

ВЛАДИМИР ВАСИЛЕНКО

ХОЗЯЙКА
ПЕРЕКРЁСТКОВ

Амальгама

Владимир Василенко
Хозяйка перекрёстков

«Автор»

2022

Василенко В.

Хозяйка перекрёстков / В. Василенко — «Автор»,
2022 — (Амальгама)

Ужасы Жатвы позади, но от этого не легче. Возврата домой нет, так что тем, кто остался на Аксисе, предстоит ещё через многое пройти, чтобы завоевать своё место под солнцем. Этот мир станет их новым домом.

© Василенко В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Василенко

Хозяйка перекрёстков

Пролог

Тяжелая, чуть влажная шкура, постеленная на дно телеги, была полна колючих сорин и плохо пахла. Алиса даже касаться её не хотела – сидела на коленках, стискивая обеими руками Жорика, и дрожала всем телом. Легкое летнее платьице плохо спасало от сырости и ночной прохлады. А что там, снаружи – ночь, было понятно по проплывающим над головой кусочкам звездного неба, видимым сквозь прорехи в потрепанном пологе фургона.

Чтобы девочка могла согреться, её похитители подстелили эту вонючую шкуру и бросили одеяло – тоже грубое, колючее, пахнущее чем-то кисловатым. Видно, ожидали, что она завернётся в него, но Алиса, несмотря на холод, так и не смогла себя заставить. Всё вокруг казалось ей отвратительным и страшным. И сама повозка – скрипучая, раскачивающаяся во время езды, и тянущие её мохнатые животные, совсем не похожие на привычных лошадок. И тяжелый железный ошейник, который на неё надели, привязав её к борту телеги, как собаку.

Привычным предметом во всей окружающей обстановке был лишь Жорик. Но и он – всего лишь тряпичная акула.

Очень хотелось есть. Сейчас Алиса с радостью съела бы даже тарелку самого невкусного рыбного супа, которым кормили в детском саду. Или кашу. Даже холодную манную. Даже с комочками. Но то, что ей предлагали похитители, выглядело и пахло ещё ужаснее, и она так и не заставила себя проглотить ни кусочка. Только пила воду из тяжелой глиняной кружки.

Усталость и качка давали о себе знать, так что вскоре девочка все же опустилась на шкуру и натянула на себя сверху кусок мешковины. Жорик заменил ей подушку.

Плакать уже не хотелось – веки и так распухли от бесконечных слёз. Вокруг всё плыло, глаза слипались, но настоящий сон так и не шёл. Алиса даже думала, что после всего, что с ней случилось, она вообще больше никогда не сможет заснуть.

Сложно сказать, что было самым страшным.

Буря, несущая с собой светящиеся красные сполохи, быстро погрузившая город во тьму... Обезумевшая от паники толпа людей, мечущаяся вокруг них с мамой... Рычание совсем рядом, заглушаемое визгами ужаса...

Она вздрогнула и сжалась ещё сильнее, вспомнив момент, когда её ладошка выскользнула из маминой руки, и людской водоворот подхватил её, утаскивая куда-то в сторону...

А потом был серый мир.

Алиса пыталась вспомнить, как она очутилась в этом жутком месте без звуков, без цветов, без запахов. Предметы вокруг были словно облеплены слоем серого пепла, силуэты людей и вовсе проплывали мимо полупрозрачными призраками, сотканными из струек дыма. Они ускользали от неё, не обращая внимания ни на её крики, ни на слёзы, ни на попытки ухватить их за руку. А тем временем со всех сторон подступала тьма – жуткая, шевелящаяся сотнями щупальцев, разрываемая багровыми вспышками, похожим на молнии.

Сколько она проблуждала так, она и сама не знала. Следующее, что она помнила – это как какой-то огромный дядька в железной броне тащит её на плече, отбиваясь от жутких костлявых собак.

Она поначалу приняла его за рыцаря, который, наконец-то, пришёл, чтобы спасти её и маму. Но мамы рядом не было видно. Да и рыцарь был какой-то неправильный. Отбившись от чудовищ, он принёс её к странному треугольному дому, из крыши которого вверх тянулся луч света. Внутри дома тоже был такой яркий свет, что ей пришлось зажмуриться...

И снова провал в памяти. Алиса не помнила, как оказалась здесь, в этой повозке. Её, полусонную, плачущую, передавали из рук в руки и прятали в каких-то тёмных тесных местах. Однажды даже заперли в деревянной бочке, пропахшей рыбой. Пожалуй, по сравнению со всем этим в повозке было даже неплохо. Ехать было мягко, никто её не трогал, лишь временами заглядывал какой-то дядька и в очередной раз предлагал ей еду и воду.

Вот только менее страшно от этого не становилось.

Алиса была совсем взрослой девочкой – в сентябре уже должна была пойти в первый класс. И буквы все знала, и читать могла по слогам, а многие слова даже могла сама написать. Но сейчас она чувствовала себя крохотной и беззащитной. И всё, чего ей хотелось – чтобы вместо игрушечной акулы можно было обнять маму. И папу. Папа – большой и сильный, он бы их спас и увёз домой...

С каждой минутой она верила в это всё меньше. Мама потерялась. И папа тоже не придёт. Потому что он даже не знает, где она. Это какое-то совсем чужое место. Люди здесь говорят на незнакомом языке, и вообще всё вокруг незнакомое и пугающее. В те короткие моменты, когда ей удавалось оглядеть окрестности, она не видела ничего похожего на привычные городские кварталы. Поэтому она даже не пыталась бежать. Бежать было просто некуда.

Повозка вдруг резко дёрнулась и замедлила ход. Тянувшие её огромные мохнатые животные встревоженно загудели, за пологом фургона заплескали размытые светящиеся пятна от факелов. Алиса встрепенулась, выглядывая из-под одеяла. Протерла глаза, поправила тяжёлый ошейник – он свободно болтался на её тонкой шее и порой больно упирался в ключицу.

Раздался вопросительный возглас одного из людей, ехавших впереди. А потом – страшный крик, оборвавшийся натужным хриплым бульканьем.

Начался жуткий переполох. Топот ног, ругань на незнакомом языке, удары железа о железо. Ещё один крик – уже протяжный, истошный, от которого у Алисы в животе всё похолодело. За пологом, пересекая пятна света от факелов, с шелестом пронеслась странная тень...

Сначала Алиса накрылась с головой, вжавшись в шкуру и стискивая ещё сильнее свою игрушку. Но этого ей показалось мало, и она попыталась спрятаться под саму шкуру. Вот только та была большой и тяжелой, и края её толком не видно было в потёмках. Девочка, прикусив губу, чтобы не закричать от страха, ползала на четвереньках по дну телеги, стараясь не прислушиваться к доносящимся снаружи звукам жестокой драки.

Впрочем, те прекратились так же внезапно, как и начались, и вокруг фургона разлилась тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием растревоженных животных. От этого стало ещё страшнее, и Алиса замерла, широко распахнув глаза и вслушиваясь в темноту.

Сердце стучало быстро-быстро, тело била крупная дрожь, и кажется, вместе с ним дрожало всё вокруг. Воздух будто бы расходился вокруг неё кругами, как от камня, брошенного в воду – так, что очертания тряпичного полога искажались, расплывались. В груди все сжималось, как когда сильно раскачаешься на качелях, и чувство было такое, будто вот-вот с этих качелей слетишь и провалишься в какую-то пропасть.

Алиса крепко зажмурилась, вжимая голову в плечи и пытаясь успокоиться. Плакать и звать на помощь точно бесполезно – она это уже давно усвоила.

Кажется, отлегло. Но стоило ей приоткрыть глаза – как полог справа от неё затрещал, разрезаемый кривым, как птичий коготь, ножом.

Она не удержалась и вскрикнула. Но человек, просунувшийся в прореху в пологе, приложил палец к губам и тихонько зашипел – «тссс».

Девочка, замерев от страха, вытаращила глаза, сжимая обеими руками игрушечную акулу.

Незнакомец тем временем осторожно взобрался в повозку. Внутри стало светло – с левого его запястья на лямке свисал светящийся желтоватым светом кристалл размером с кулак, вставленный в оправу из тонкой проволоки.

Он сказал что-то – всё на том же незнакомом языке, но мягко, успокаивающе. И по голосу стало понятно, что это тётя. Кажется, даже молодая. Примерно как мама. Фигуру её было сложно разглядеть из-за накидки с капюшоном, а лицо и вовсе полностью скрывалось под вуалью из темной ткани, на которой был намалеван какой-то символ. Как она что-то видит сквозь эту маску?

Женщина, будто услышав её мысли, отбросила вуаль и немного сдвинула назад капюшон, так что из-под него выбились пряди волос – белых-белых, как молоко. Лицо у неё оказалось страшным. Поначалу Алисе показалось, что прямо на переносице у неё сидит огромный паук, охватывающий своими длинными лапами лоб и щеки. Но потом стало понятно, что это просто такое пятно. Но не нарисованное, а больше похожее на шрам – бугристый, красный.

Алиса, испугавшись, отпрянула назад, но женщина что-то снова заговорила ласковым голосом. Подбравшись к ней, перерезала веревку, которой девочка была привязана к борту повозки. Немного повозившись, сняла и ошейник. Не переставая что-то шептать, потянула её прочь, указывая на разрез в пологе.

Снаружи было ветрено и сыро – с неба накрапывал дождь. Незнакомка помогла Алисе спуститься на землю. Рукав её одежды задрался, и Алиса заметила, что и руки у неё тоже в красных уродливых шрамах, складывающихся в какой-то угловатый узор. Ласково нащёптывая, женщина повлекла её за собой, по пути развернув её, не давая разглядеть что-то большое и темное, лежащее рядом с колёсами повозки.

Другие люди с повозки куда-то исчезли, мохнатые здоровяки, похожие на быков, переступали с ноги на ногу, шумно принюхиваясь. В свете огромной синеватой луны, вышедшей из-за облаков, Алиса увидела в стороне от дороги темный силуэт человека в плаще, сидящего на корточках на большом, в два раза выше неё, камне. Человек обернулся в их сторону, и плащ на его спине странно зашевелился, укладываясь ровнее.

Да это же крылья! Как у летучей мыши.

Девочка не удержалась и вскрикнула. Дернулась назад, к фургону, хотела вырваться из рук женщины, но та удержала её и прижала к себе. Погладила по голове, шепча что-то успокаивающее, и поднесла к лицу какой-то флакон. Запахло чем-то сладким, но от этого запаха почему-то запершило в горле. Алиса закашлялась, пытаясь отстраниться, но шепчущая, продолжая что-то приговаривать, продолжала удерживать её.

Вскоре в этом не стало нужды – девочка, вдохнув еще немного паров из флакона, обмякла в её руках. Второй незнакомец, мягко спрыгнув со скалы, подхватил её и понёс на руках в сторону от дороги, к огромному сухому дереву, под кроной которого запросто мог бы укрыться лагерь из полусотни человек.

Там их ожидали лошади.

Глава 1

Ненависть – одно из самых чистых, искренних и мощных чувств. И самых разрушительных. Ирония в том, что разрушает она того, кто её испытывает. Самому объекту ненависти зачастую вообще плевать.

Эту нехитрую истину я усвоил давно, еще в подростковом возрасте. Я вообще всегда старался максимально рационализировать свою жизнь. Копаясь в себе, выискивал корни тех или иных своих реакций, препарировал их, изучал, пытался понять. И отбрасывал, если решал, что это мне не нужно. Сам себе психотерапевт. Хотя с точки зрения настоящих психотерапевтов это, наверное, выглядело, как сцена из фильма «Рэмбо», где тот прижигал пулевое ранение факелом.

Но порой даже самый надежный и отлаженный механизм даёт сбои. Вот и сейчас я ничего не мог с собой поделать.

Я ненавидел этот мир и его обитателей. И у меня были на это причины.

Размышляя о событиях последних дней уже с учётом новых знаний, обретенных благодаря амальгаме и разговорам с Джабари, я понимал, что многие мои первоначальные оценки и реакции были не совсем верными. А со многими вещами ещё только предстоит разобраться, потому что они далеко не так однозначны, как казалось на первый взгляд.

Но главное не изменишь. Я заброшен в чужой враждебный мир. Мой город в эти дни превратился в гигантскую мясорубку, в которой люди умирали или под воздействием игниса превращались в жутких чудовищ. На моих глазах погиб один из немногих моих друзей детства. А о судьбе самых близких мне людей – дочери и жены, я и вовсе ничего не знаю. И винить я в этом мог только обитателей этого мира. Арранов.

Да, умом я понимал, что у них свои, вполне веские причины для того, чтобы проводить эти их Жатвы. Их собственный мир едва пригоден для жизни, и чтобы понемногу восстанавливать его, им нужны ресурсы извне. Хотя бы самые базовые: металлы, чистая вода, плодородная почва, биологический материал. Рабы, в конце концов.

Всё это звучит чудовищно. Хотя, если задуматься, то нет принципиальной разницы между Жатвами и какими-нибудь завоевательными походами любой земной империи. Мои соплеменники на Земле, как и арраны, на протяжении всей своей истории обращали в рабство, разрушали, вырезали под ноль целые города. Разве что происходило это в рамках одного мира и одного биологического вида.

Впрочем, арраны даже с точки зрения биологии от нас почти не отличаются. Вплоть до того, что мы можем иметь общее потомство.

Но мне, как человеку, непосредственно попавшему в эти жернова, было плевать на все эти оправдания и объективные причины. Я просто ненавидел Аксис и его обитателей. За то, что они отняли у меня всё, что было мне дорого.

Единственное, что мне осталось – это надежда на то, что ещё жива Алиса, моя дочь. Но где именно она находится – я пока так и не смог выяснить.

Пожалуй, только поиски Лиски и помогали мне держать себя в руках. Если бы и она погибла – я, пожалуй, точно бы слетел с катушек и превратился в такого безудержного мстителя, вырезающего арранов по одному везде, где только встречу. И у меня, учитывая мой дар, для этого была масса возможностей. Я стал бы для них настоящим кошмаром. Призраком, атакующим с изнанки ткани мироздания. Которого не удержат никакие двери и замки. Которого невозможно поймать и даже увидеть, пока он не вынырнет сам...

Это, конечно, был бы путь в никуда. Бессмысленная и бесконечная вендетта. Да и кому бы я мстил, по сути?

Жнецам? Их не так уж много. Ама говорит, что всего несколько сотен на весь Аксис, включая тех, кто уже давно не участвует в Жатвах. Да и они – тоже лишь пешки в этой игре. Вырезать солдат, мирных жителей, вообще всех, кого встречу? Но я ведь не маньяк какой-нибудь...

Логично было бы найти главных виновников – то есть тех, кто устраивает Жатвы. И вот тут-то как раз ситуация была крайне неоднозначной. Организаторами Жатв были Ординаторы. Но они же вдруг стали и моими главными союзниками на Аксисе, признав во мне потомка Великого Дома Аракетов.

Всё это, честно говоря, пока с трудом укладывалось в голове. Возможно, поэтому я так сосредоточился на поисках Лиски.

То, что она ещё жива, всё меняло. И придавало жизни смысл.

Как бы жутко для меня это ни звучало, но моей дочери теперь жить в этом мире. Землю она, наверное, и вовсе забудет, когда вырастет. И если я облажаюсь, она останется здесь совсем одна. И какое тогда будущее её ждет? От одной этой мысли у меня внутри всё переворачивалось.

В том, что касалось процесса поисков, я постарался отбросить эмоции и действовал максимально хладнокровно и рационально.

Итак, вариантов изначально было два. Либо Лиска до сих пор где-то в городе, либо стала трофеем одного из арранских Жнецов. Третий – что она всё-таки погибла, я не рассматривал вовсе.

Впрочем, и первый вариант я отбросил почти сразу. Шестилетней девочке выжить в том кошмаре, в который превратился город – просто нереально. Одна вызревшая в метро грибница чего стоит. Чтобы выжечь её, арранской армии потребуется, наверное, ещё не одна неделя.

Нет, Лиска точно угодила в один из пилонов. Детей Жнецы спасали в первую очередь, потому что те – самый ценный товар. При этом с помощью амальгамы они могут прямо на месте производить беглый анализ генома. Я сам видел, как один из Жнецов гракхов анализировал ткани какой-то зараженной игнисом псины. Да и гелотов они тоже проверяли перед загрузкой в пилон. Так что любой Жнец мог выяснить, что у Лиски большой процент генов Изначальных. Такой трофеем он бы точно не упустил.

С Джабари мы встречались ещё дважды, оба раза – уже когда я добрался до Крепостей Дозора. Сюда я отправился первым делом, потому что всех гелотов, эвакуируемых из Пасти, в любом случае свозили сюда. Здесь их уже более тщательным образом изучали, сортировали, выдерживали на карантине, и только потом увозили из долины в большой мир.

Поначалу я сам пытался отыскать Лиску в лагерях гелотов. В том числе, используя свой дар, тайком обыскивал даже те помещения, в которые нельзя было пройти свободно. Правда, здесь меня ждал один неприятный сюрприз. Сквозь двери-то я в сером мире проходил свободно, а вот сквозь стены – не тут-то было. В крепостях они были толстенными, сложенными из какого-то особого камня – пористого, как пемза, но при этом очень тяжелого и твердого. Местные называли его афтардом. И, кажется, для меня это был своего рода криптонит. К счастью, не полностью блокирующий мои способности. Но надо иметь в виду на будущее, что в каменном мешке, сплошь облицованном афтардом, мне лучше не оказываться.

Сами крепости Дозора были довольно вместительными, а лагеря гелотов и вовсе располагались уже в тылу, на внешней стороне кратера, рядом со вспомогательными поселениями, обслуживающими бастионы. Конечно, обыскать всё в одиночку было нереально, тем более что постоянно прибывали новые пленники из Пасти. Поэтому я решил обратиться за помощью к тем, кого мог считать своими союзниками – к Ординаторам. Конечно, при этом не разбалтывая лишних подробностей. Решил, что о моих беседах с Козлоногим и Эреш пока никто не должен знать.

Джабари мой рассказ о потерянной дочери здорово взволновал. И она согласилась со мной насчёт того, что Лиска должна быть среди трофеев Жнецов.

– Мы постараемся использовать все свои возможности, чтобы разыскать её в лагере, – пообещала она, когда мы встретились во второй раз на пустом чердаке одной из крепостных башен. – Однако, боюсь, что мы узнали о её существовании слишком поздно.

– Что вы имеете в виду? – напрягся я.

– Возможно, вы не в полной мере осознаёте, насколько ценным является ребёнок с таким высоким процентом генов Изначальных, – осторожно проговорила она. – Причем для обоих Великих Домов. Ортосы одержимы идеей чистоты крови. И если попадают гелоты даже с ничтожной долей *primus sanguis* – они берут их под особый контроль. Порой они даже используют их генетический материал в Серебряной купели. Гракхи тоже непременно воспользуются таким гелотом для того, чтобы получить высокородное потомство. Тем более что у них нет предрассудков по поводу спаривания с гелотами.

– Напоминаю – моей дочери шесть лет, – процедил я. – И при мне лучше воздержитесь от терминов вроде «спаривание» или «генетический материал».

– Я прошу прощения, Ян, – смутилась Джабари. – Я не хотела оскорбить вас. Возможно, это связано с какими-то нюансами перевода, из-за которых на вашем языке эти слова приобретают негативный оттенок...

– Ладно, забудем, – отмахнулся я. – Давайте ближе к делу. Вы предвидите какие-то трудности в поисках?

– Я боюсь, что ваша дочь – если она жива, разумеется – вряд ли содержится в одном из общих лагерей для гелотов. Думаю, тот, кто заполучил такое сокровище, постарается спрятать его получше. Или как можно скорее вывезти отсюда, даже в нарушение карантина. Мы постараемся проверить всех, кто в крепости, а также выяснить, не покидал ли кто-то долину досрочно. Но на это понадобится некоторое время. Думаю, несколько дней.

– Сколько?!

– Нам придется действовать деликатно, – пояснила Ординатор. – К тому же, предстоит проверить массу людей. Даже по самым скромным подсчетам, уже удалось вывести из Пасти больше сорока тысяч гелотов. И это, судя по всему, даже не четверть от конечного числа. Это Жатва будет рекордной по количеству живых трофеев. Чтобы вместить всех, уже началось строительство дополнительных временных лагерей...

– Хорошо. Я понял. Но я не собираюсь сидеть всё это время без дела. Я тоже подключусь к поискам.

– Как скажете, Ян. Я лишь напоминаю вам о том, что вам следует соблюдать осторожность...

Я это и сам прекрасно понимал. Но пока мне вполне удавалось перемещаться по окрестностям незамеченным. С помощью Харула я разжился местной одеждой – этакой хламидой с капюшоном, сшитой из грубоватой ткани, напоминавшей мешковину. К счастью, не такой колючей. В подобных нарядах ходил чуть ли не каждый второй простолюдин, так что я легко сливался с толпой.

Мне играло на руку то, что крепости Дозора и вся прилегающая территория сейчас были жутко перенаселены, и здесь царила непрекращающаяся суeta – и днём, и ночью. Помимо постоянного гарнизона крепостей, сюда перед Жатвой прибыли боевые отряды гракхов и ортосов, и их общая численность была, пожалуй, в несколько раз больше, чем у дозорных. Каждый отряд сопровождался обозом, тоже довольно многочисленным – от поваров и конюхов до прачек и походных проституток.

Добавить к этому упомянутые Ординатором сорок тысяч пленных – и получался уже целый город. Есть где затеряться.

А когда мне надоедала толпа, я укрывался в сером мире. Или находил какие-нибудь укромные места. Подчас неожиданные.

Сейчас я, например, сидел на каменном выступе с наружной стороны крепостной стены, соединяющей Хвостовой и Хребтовой бастионы. Сама стена, как, собственно, и бастионы, была выстроена с опорой на гигантские ребра, наполовину вросшие в землю.

Когда я впервые увидел эту громадину – не мог поверить своим глазам. Даже если ориентироваться только по сохранившимся частям скелета, тварь, которой он принадлежал, при жизни была длиной километра в два. По сравнению с ним даже Годзилла выглядел бы лилипутом. Вопросов возникла масса – как такая громадина вообще могла передвигаться, чем питалась, да и вообще как появилась на свет. Уж точно не в результате естественной эволюции.

Солнце уже склонилось к закату, и на фоне багрового неба четко выделялась пилообразная гряда скал, окружающих кратер. Города отсюда толком не было видно, особенно сейчас, в сумерках. Но я знал, что там, в долине, остались еще десятки тысяч выживших. Прячутся где-нибудь по подвалам, отбиваются от лезущей со всех сторон нечисти. Обычно первый день Жатвы самый опасный – из-за выбросов игниса. Но в этот раз, похоже, каждый следующий день преподносит всё новые неприятные сюрпризы.

Мысли мои волей-неволей возвращались к событиям последних дней. Я снова и снова прокручивал их в голове, пытаюсь примириться с новой реальностью.

Сколько жителей города вообще в итоге выживет? По оценкам Джабари, тысяч сто пятьдесят. Может, двести. Насколько я понял, это огромная цифра по сравнению с предыдущими Жатвами. Крайне редко в Пасть попадает такой густонаселенный участок суши. Но при этом, если вспомнить, что до катастрофы я жил в городе-миллионнике, то выходит, что переживёт этот кошмар едва ли каждый пятый.

До меня, пожалуй, только сейчас начал доходить масштаб всей этой катастрофы. Восемьсот тысяч трупов за несколько дней. Подобной эффективности геноцида позавидовал бы любой земной диктатор...

И как тут не ненавидеть арранов?

Да, конечно, подавляющее число жертв связано с последствиями самого катаклизма. Обезумевшие от игниса люди и животные, превратившиеся в кровожадных монстров. Монстры, вызревшие в коконах грибницы Скверны. Демоны, просочившиеся прямо из царства хаоса. В конце концов, пожары, паника, обрушения некоторых домов... Непосредственно от рук Жнецов погибла исчезающе малая часть горожан – в основном те, кто оказывали сопротивление. А многих Жнецы, наоборот, спасли, спрятав в пилоны и впоследствии вывезя за пределы кратера.

Но это никак не оправдывает арранов в целом. Ведь сам катаклизм, вызвавший перенос нашего города в Пасть – их рук дело.

От Джабари не было вестей уже несколько часов – со времен нашего последнего разговора. Наши встречи она старалась держать в глубочайшей тайне, и я тоже старался её не выдать. Для того, чтобы впоследствии было удобнее держать связь, посол посоветовала мне использовать три свободных кластера амальгамы для того, чтобы сформировать особые наросты в височных долях головного мозга. Эта мутация у носителей амальгамы называется **Глаза Абракиса**. Она позволяет выходить на телепатический контакт с теми, кто тоже обладает такой способностью.

Звучало, хоть и перспективно, но довольно-таки страшновато. Технологии на уровне магии. Впрочем, я уже столько всякого насмотрелся за последние дни, что меня трудно было удивить. Лезть в собственные мозги, причем в прямом смысле, было не по себе. Но я и так уже впустил в свой организм амальгаму, и во многом только благодаря этому пережил Жатву. Так что я все же запустил процесс – в щадящем режиме, который не сказывался бы на моих

когнитивных функциях. Ама предупредила, что формирование новых участков в мозгу займет около двух суток.

Насчёт того, как эффективно распорядиться другими свободными кластерами амальгамы, тоже нужно было что-то решать, но мне пока было не до этого. Ама предупредила, что большинство трансформаций требуют от носителя полного покоя на несколько часов, а то и дней. Этого я себе пока не мог позволить – я всё свое время посвящал поискам Лиски.

Правда, надеяться только на собственные силы и на Ординаторов я тоже не собирался. У меня ведь были еще одни союзники. Дом Мэй.

Харула я засек в самый последний момент, хотя все это время, сидя на выступе стены, ждал его. Днем мы мимолетно пересеклись неподалеку от лагеря гелотов, и договорились встретиться здесь на закате.

Сдаётся мне, заметил я его только потому, что он позволил мне это сделать. Способности Полудемона к маскировке были какими-то мистическими. Хотя, наверное, именно благодаря им он стал столь успешным охотником на чудовищ. В его профессии умение выслеживать и незаметно подбираться к добыче куда важнее, чем махать клинком.

– Любуешься закатом? – вместо приветствия иронично поинтересовался он. – Кстати, как они выглядят в твоём мире? Отличаются от наших?

– Прости, но я не в настроении обсуждать красоты природы, – проворчал я. – Я созрел встретиться с твоим хозяином. Когда это можно будет сделать?

– Он не хозяин мне. Лишь наниматель, – кажется, немного обидевшись, холодно уточнил ведьмак. – Впрочем, и деньги не главное. Я помогаю ему по собственной воле.

– Вот как? Будет интересно познакомиться с человеком, который произвел на тебя такое впечатление.

– Сейчас как раз есть такая возможность. Он покинул крепость и переселился в лагерь на юге. Ты найдешь его в зелёном шатре, вокруг которого выстроены тяжелые телеги для перевозки стройматериалов. Кажется, ты уже бывал возле этого обоза.

– Припоминаю. Это рядом с большим колодцем, обложенным белыми камнями?

– Именно. Но постарайся подобраться туда незамеченным. Ты это сумеешь, не сомневаюсь.

– Ты тоже будешь присутствовать при разговоре?

– Возможно.

На этом Харул счёл разговор законченным и скрылся за зубцом стены. Сам я, нырнув на изнанку, забрался наверх, но его уже не увидел, хотя, казалось бы, этот участок стены отлично просматривается метров на тридцать в обе стороны.

Да уж, ну и фокусник...

Весь путь к шатру Акаманта Мэя я преодолел через серый мир. Так было просто удобнее. Искажений изнанки здесь, на границе долины, почти не было – можно было спокойно отдаляться от точки входа на сотн. метров, не теряя ориентации в реальном мире. При этом не было нужды продираться через толпы прохожих, преодолевать многочисленные ограды, ускользать от вездесущих патрулей. Всё это в сером мире проплывало мимо бесплотными силуэтами, и в большинстве случаев я мог двигаться прямо сквозь них.

Выныривал я всего несколько раз, да и то ненадолго и в укромных местах – чтобы, не попадаясь на глаза, осмотреться и оценить ситуацию.

Лагерь, в котором назначил встречу глава Дома Мэй, располагался почти на краю обжитого пространства к югу от крепости. Дальше, за небольшими сторожевыми башнями, которые я про себя окрестил блокпостом, начинался широкий тракт, разбитый колесами сотен повозок.

Повозки, к слову, были весьма разнообразными. Некоторые даже самодвижущиеся, оснащенные какими-то монструозными движками – шумными и жутко дымящими. Но в подавляю-

щем большинстве случаев это был гужевой транспорт, причем довольно примитивный. Попадались даже полностью деревянные телеги с деревянными же колесами, обитыми по ободу полосами железа.

В целом, побродив этот день по крепости и её окрестностям, я не мог избавиться от ощущения, что попал не просто в другой мир, но и в другую эпоху. Только вот не совсем понятно, какую. Большая часть бытовых предметов были изготовлены из железа, стекла, дерева, камня, костей, керамики и прочих натуральных материалов, причем явно кустарно. Многие привычные вещи типа кухонной утвари, предметов мебели и уж тем более одежды смотрелись довольно непривычно по дизайну. И самое главное – очень разношёрстно, будто в одном месте сошлись отголоски десятков культур.

Больше всего ассоциаций у меня возникало с Древней Грецией и близкими к ней эпохами. Хотя с точки зрения технического прогресса на Аксисе, похоже, дела обстояли куда лучше. Но при этом прогресс этот был какой-то неравномерный, и зачастую рядом сосуществовали элементы из весьма разных эпох. На подобные примеры я наткнулся на каждом шагу.

Сама крепость явно была довольно древней, как и кости гигантского дракона, на которой она была выстроена. Но в ней самой и в прилегающих к ней поселках был водопровод, канализация и даже система освещения. Правда, не электрическая и даже не газовая. Для неё использовались так называемые радиумные факелы, по сути, представляющие собой светящиеся кристаллы, способные вбирать в себя свет днем и отдавать его в темное время суток. Что-то вроде кристаллов Аракетов, только куда более примитивные и широко распространённые.

Или взять, к примеру, письменные принадлежности. Шастая по разным помещениям крепости, я наткнулся на кабинеты, убранство в которых наведало ассоциации с девятнадцатым веком. Деревянная лакированная мебель, плотная желтоватая писчая бумага, металлические перья и чернильницы. Отпечатанные явно типографским способом книги на полках. Даже образцы огнестрельного оружия попадались, явно трофейного, из разных миров.

Но при этом, кажется, всё, что по уровню технического развития было повыше средневековья, принадлежало исключительно высокородным. Обычные же арраны – солдаты, обозные, прислуга – пользовались только самыми примитивными приспособлениями. И даже одеты были так, будто жили в более древней эпохе.

Вот и в лагере Дома Мэй все напоминали мне каких-нибудь средневековых крестьян. Немытые, не чёсанные, в мешковатых серых одеждах, в грубой обуви, а то и вовсе без неё. Понаблюдав за ними, укрываясь за штабелем кирпичей, явно земных, я понял, что все они обслуживают большой грузовой обоз, который вскоре повезет отсюда первую партию трофеев из Пасти. Причем трофеев габаритных и тяжелых. На крепкие телеги с железными осями и толстенными колесами грузили кирпич из разобранных стен, железный лом, какие-то доски и даже нарезанный пластинами дерн.

Шатёр Акаманта отличался от остальных только цветом, да и то «зелёный» – это громко сказано. Крашеная ткань давно выцвела на солнце, а уж в сумерках её оттенок и вовсе едва просматривался. Никакой охраны у входа не было, но это, похоже, для конспирации. Потому что, внимательнее изучив прилегающую к шатру территорию, я заметил неподалеку группу хорошо вооруженных бойцов. Те резались в кости и выпивали, но при этом явно прочесывали взглядами округу.

Я нырнул на изнанку и зашагал к шатру напрямую через весь лагерь.

Поначалу мне показалось, что внутри он просторнее, чем снаружи. Но это из-за освещения и грамотной планировки. Удивительно, но в обычной походной палатке удалось создать уют и комфорт. Пол устлали циновки из тростника и шкуры каких-то зверей. У дальнего края стоял огромный письменный стол, заваленный бумагами. На углу его – глобус, явно ручной работы. Пара резных деревянных кресел для гостей, столик с закусками и причудливым сосу-

дом с трубками, здорово напоминающим кальян. Слева – целый шкаф с книгами. Справа – небольшой, но полноценно функционирующий камин с выведенной за полог железной трубой.

Хозяин шатра – коротышка с довольно уродливым, особенно в профиль, лицом – находился в нем в одиночестве и, кажется, не заметил моего появления. Он сидел в огромном кресле, почти отвернувшись от выхода, и что-то увлеченно читал с листа желтоватой бумаги, так и норовящего свернуться в рулон. Я стоял, не шевелясь, скрываясь в тени у самого края шатра – так, что полог, спускающийся к земле под углом и закрепленный кольшками, касался моего затылка. Раз хозяин меня пока не видит – использую это время, чтобы внимательнее осмотреться. А может, и понаблюдать за ним.

Впрочем, кажется, я ошибся. Коротышка, дочитав письмо, недовольно крикнул и, развернувшись к столу, поднес бумагу к толстой свече, стоящей слева от него в глубокой бронзовой чаше. Когда огонь охватил уголок листа, он поднял взгляд и безошибочно устремил его прямо на меня. В глазах его весело плясали отраженные язычки пламени.

Лицо его было типичным лицом карлика – ассиметричное, с нарушенными пропорциями. Прямо скажем, довольно уродливое. Но широкая искренняя улыбка каким-то странным образом преобразила его.

– Не ожидал тебя так скоро. Но рад видеть, мой герой! Проходи, располагайся.

Я сделал несколько шагов к центру шатра, окидывая собеседника оценивающим взглядом.

– Так ты и есть глава Дома Мэй?

– Акамонт Мэй собственной персоной, – кивнул карлик. – Но можешь обращаться ко мне по имени. Терпеть не могу церемоний.

Глава 2

Глава Дома Мэй производил довольно противоречивое впечатление. Как и любой калека, он вызывал своим видом целый ворох эмоций – смесь жалости, безразличия, иррационального чувства вины и столь же иррационального интереса. Говорят, уродство притягивает взгляд столь же сильно, как и красота.

Акамант, чего уж греха таить, был тем ещё уродцем. Мало того, что карлик, так еще и прикованный к инвалидному креслу. Насколько я сумел разглядеть с помощью амальгамных линз, у него была какая-то патология нижних конечностей – они были скрюченными, недоразвитыми, и годились лишь на то, чтобы поддерживать его короткое раздутое туловище в сидячем положении. Непропорционально большая голова, практически без шеи, выпуклый высокий лоб, едва прикрытый прядями жидковатых волос, огромный нос с бородавкой на видном месте. Каждая из этих черт даже по отдельности могла бы стать причиной жестоких комплексов. А этот парень собрал полный флэш-рояль.

Выделялись на этом фоне глаза – необычайно живые, умные, чистые. Они чуть ли не искрились внутренним светом, а их небесно-голубому оттенку позавидовала бы любая голливудская дива. И голос – приятный, глубокий, с лёгкой хрипотцой и совершенно не вяжущийся с внешностью. Не удивлюсь, если карлик ещё и отлично поёт.

Но, пожалуй, больше всего не вязался с внешностью его характер. С первых минут нашего знакомства было видно, что этот маленький скрюченный человечек полон такой внутренней силы, интеллекта и жажды жизни, что хватило бы и на троих. Природа будто бы посмеялась над ним, втиснув такой талант в столь тщедушное тело.

– Вино? Кальян? Может, хочешь перекусить? – Акамант указал на столик с яствами.

Я, откинув на спину капюшон, уселся в кресло напротив его стола. От угощений пока отказался, хотя, признаться, последнее время перебивался почти впроголодь. Сухпайки и прочие остатки еды из подсумков я уже прикончил. Позже пару раз набредал на продуктовые склады и разживался там какими-нибудь простыми закусками типа колбасы или яблок. Но, честно говоря, здорово соскучился по нормальной горячей пище. Амальгама заглушала чувство голода, так что физических неудобств мне это не доставляло. Но Ама предупреждала меня, что мне стоит лучше питаться, чтобы набраться сил и устранить последствия многочисленных ранений.

– Видят боги, я с нетерпением ждал нашего знакомства, – увлеченно подавшись вперед и опираясь локтями о столешницу, продолжил карлик. – Первое участие Дома Мэй в Жатве даже для меня самого стало неожиданностью. Я, конечно, добивался этого, но не рассчитывал, что нас допустят прямо сейчас. И потому не успел толком подготовиться. Если бы не твоя помощь, мы бы на этом турнире смотрелись, как старые импотенты на оргии. Неуместно. Смешно. Жалко.

Я слушал его болтовню, стараясь сохранять внешнюю невозмутимость. Собеседник из меня был так себе. Ама на лету переводила для меня арранскую речь, но самому говорить было куда сложнее. И так будет продолжаться, пока я не выучу язык нормально.

К слову, это, кажется, займет куда меньше времени, чем в обычных условиях. Я заметил, что почти сразу запоминаю многие словосочетания, и уже сам, без подсказок, распознаю их в чужой речи. Скорее всего, дело снова в амальгаме.

Что касается трудностей, выпавших на Дома Мэй вообще и на самого карлика в частности – то мне, честно говоря, было на них плевать. В своё время я принял предложение Харула и выступил на их стороне только по одной причине – они нужны были мне для того, чтобы отбить у гракхов Алису. По сути, я просто использовал их, поскольку наши интересы в тот момент совпадали.

Впрочем, и сейчас ситуация похожая. Дом Мэй может быть мне полезен. Хоть он и основан безродным выскочкой, но обладает определёнными ресурсами и связями. И их тоже можно подтянуть для поисков Лиски. Тем более что Ординаторам я пока не торопился слепо доверять. Джабари разливалась соловьем, убеждая меня, что они готовы поддерживать меня во всём. Но пока это были просто слова, не подкрепленные ни одним реальным делом.

Могу ли я доверять Акаманту – тоже большой вопрос. Надо для начала узнать его получше.

– Может, всё-таки вина? – спросил он.

– Пожалуй, – сдался я. – И я бы не отказался от того куска жареного мяса.

– Ещё бы! Свежая вырезка хорка, обжаренная в заморских пряностях. Аромат такой, что у меня у самого слюни по бороде текут, хотя я сегодня уже ужинал. Бери, не стесняйся! Уж извини, прислуги у меня нет, а из самого меня подавальщик хреновый.

Я не стал кочевряжиться и, подвинув кресло поближе к столу с закусками, вооружился ножом и здоровенной двузубой вилкой. В конце концов, отравить меня у него вряд ли получится – во мне столько амальгамы, что организм легко распознает и нейтрализует любой яд.

Мясо и правда оказалось потрясающим. Или просто я ничего нормального не ел уже несколько дней.

– Почему ты вообще переехал в этот шатёр? – спросил я с набитым ртом. – В крепости вроде бы безопасней.

– Ну, официально-то я никуда не съезжал из тех покоев, что мне выделили в Хребтовом бастионе на время турнира. Там даже для виду несколько охранников торчит. Но мне как-то спокойнее здесь, на свежем воздухе, среди моих людей. Они не дадут меня в обиду, даже если кто-то из недоброжелателей догадается искать меня здесь.

– И много у тебя недоброжелателей?

– Хватает, – беспечно отмахнулся карлик и, прокатившись на своем кресле к столику с кальяном, начал колдовать над ним, поджигая какой-то фитилек в верхней его части. – Как, Впрочем, и у тебя, мой друг.

– Неужели?

– Ну, а ты как хотел? – насмешливо отозвался он. – По слухам, ты здорово прищемил яйца самому Данакту. Не говоря уж о том, что убил полдюжины Жнецов обоих Великих Домов. Твоё счастье, что никто толком не знает, как ты выглядишь. А некоторые и вовсе не верят в твоё существование. И я их понимаю. Какой-то гелот из чужого мира вдруг оказывается чуть ли не потомком Изначальных... Нелепо. Сомнительно. Подозрительно.

– А ты, выходит, хорошо осведомлен о всяческих слухах?

– О, слухи – это моя стихия. Порой именно я их и создаю, – улыбнулся он.

Акамант, наконец, раскошегарил свой причудливый агрегат и сделал пробную затяжку через длинный шланг. В глубинах грушеобразной бутылки что-то забулькало, и до меня донесся кисловатый запах не то пара, не то дыма. Похоже на что-то цитрусовое.

– У высокородных считается неприличным обсуждать сплетни, – продолжил карлик. – Но я-то знаю, что делают они это с не меньшим удовольствием, чем чернь на базаре. Ну, а для меня то, о чем болтают в толпе – это не просто информация. Это инструмент. Тонкий. Разносторонний. Эффективный.

– Кто владеет информацией – владеет миром. Так говорили у меня на родине.

– Мудрое изречение. И оно лишь подтверждает, что люди во всех мирах устроены одинаково, – усмехнулся он.

На какое-то время повисла пауза – я вовсю уплетал мясо и другие закуски, хозяин шатра лениво булькал кальяном, разглядывая меня. Наконец, он спросил в лоб:

– Ну, и что ты собираешься делать, Ян? Будешь ли дальше работать с нами?

Я отстранился от тарелки, пережевывая очередной кусок и собираясь с ответом. Акамонт, возможно, воспринял это как замешательство, так что добавил:

– Я не хочу на тебя давить. Но Харул мог устроить нашу встречу еще утром. Ты согласился не сразу... Надо полагать, тебе нужно было время, чтобы всё обдумать... О, а вот, кстати, и он сам! Будто почуял, что мы говорим о нём.

Я обернулся в сторону входа в палатку. Охотник на демонов уже стоял там. Занавеска за его спиной была неподвижна – будто он прошёл, не потревожив её.

– Порой мне кажется, что слухи о том, что твоя мамаша согрешила с демоном – не такие уж и выдумки, – усмехнулся карлик.

– Я то же самое думаю насчет слухов о тебе, – парировал ведьмак.

Без приглашения пройдя к столу, он уселся слева от меня. Есть не стал, и даже не убрал полумаску с лица. Устало развалился в кресле, забросив ногу на ногу.

– Надеюсь, я ничего не пропустил? – спросил он.

– Нет. Мы с нашим общим другом как раз обсуждали ближайшие планы...

– Для начала я хотел бы понять, что там с результатами турнира, – ответил я. – Я не совсем разобрался во всей этой кухне...

Я не зря начал именно с этого вопроса. У Джабари я уже выяснил кое-какие подробности, так что теперь мог проверить Акамонта на честность.

– Немудрено, – пыхнув кальяном, усмехнулся карлик. – В этой кухне, по-моему, и сами Ординаторы не разбираются до конца. А может, и специально напускают тумана, чтобы можно было вертеть правилами так, как им заблагорассудится. Но в твоём случае это даже к лучшему.

Выпустив очередную струю дыма, он отложил мундштук и продолжил:

– Ты ведь наверняка уже знаешь, что главная цель турнира – размежевать долину и разделить её между Великими Домами, чтобы в дальнейшем избежать лишней грызни между ними. Стало быть, и главные трофеи турнира – это захваченные пилоны. И тут нам похвастаться нечем.

– Ну, мы пытались, – развел руками Харул.

– Видят боги, это так. И я бы очень хотел полюбоваться на рожи высокородных, если бы мы отхватили хотя бы один кусок долины.

– По мне, от этого было бы больше проблем, чем выгоды, – скептически отозвался ведьмак. – Это пока не тот кусок, который ты в состоянии прожевать, Акамонт. Уж извини за прямоту.

– Может, и правда всё к лучшему, – не стал спорить карлик – Тем более, что я затеял участие в турнире не ради этого.

– А ради чего тогда? – спросил я.

– Великие Дома участвуют в турнирах Жатвы ради двух вещей. Первая, как я уже сказал – это раздел долины. Чтобы потом вывозить с захваченных территорий всё, что только можно вывезти. А во-вторых – после каждого турнира Ординаторы отмечают боевые заслуги всех участвующих в нем Жнецов. Сколько каждый убил всякой нечисти, сколько гелотов вывез живьём из Пасти...

– И сколько других Жнецов завалил?

– Э, нет. Поединки между Жнецами – это отдельная тема. Убийство носителя амальгамы – чуть ли не самое тяжкое преступление на Аксисе. Поэтому даже дуэли между высокородными давно запрещены. Турнир для них – единственный легальный способ свести счёты с давним недругом. Впрочем, даже этот способ не очень-то поощряется Ординаторами.

– Но то, что было в Пасти – остаётся в Пасти, – подытожил Харул.

– Ну да. Раз в несколько лет Ординаторы готовы закрыть на это глаза.

– Да и в целом, я думаю, они считают это даже полезным. Амальгама перераспределяется в пользу сильнейших.

– Может быть, может быть... – с сомнением покачал головой карлик. – Как бы то ни было, Ординаторам важно, чтобы в погоне за трофеями Пасти и за чужой амальгамой Жнецы не забывали о своих прямых обязанностях.

– Это каких же? – спросил я.

– Защищали Аксис от чудовищ, – серьёзно ответил Акамонт. – Ты разве не знал?

Он сделал глубокую затяжку, выпустил к потолку струю густого ароматного пара и отъехал назад, на своё прежнее место за рабочим столом.

– Этот мир похож на смертельно больного, покрытого незаживающими язвами, – видя моё скептическое выражение лица, пояснил он. – Хаос просачивается сюда, оскверняя всё, к чему прикоснется. А катаклизмы во время ритуалов Жатвы только подливают масла в огонь, принося с собой кучу всякой нечисти. Ну, не мне тебе рассказывать. И задача Жнецов – собирать этот жуткий урожай. Уничтожать чудовищ, спасать и вывозить в безопасное место гелотов. В общем, бороться со всеми негативными последствиями ритуала. За это Ординаторы начисляют очки каждому Дому и награждают его на Празднике Жатвы.

– И какова награда?

– Амальгама, разумеется. Новые, свежие кластеры, вызревающие в Черной пирамиде. Это награда достойнейшим воинам за то, что они охраняют этот мир от зла. По крайней мере, так это было задумано Ординаторами изначально. Но жизнь вносит свои коррективы, сам понимаешь. И нынешние Жнецы – вовсе не такие уж доблестные защитники мирных граждан, какими их рисуют в легендах.

Перед глазами у меня всплыли некоторые сцены из недавнего прошлого, и я, невольно стиснув зубы, кивнул.

– О да. Это мне тоже можешь не рассказывать.

Акамонт кивнул.

– Вы с Харулом заработали немало очков на этом турнире. С того момента, как ты посвятил свою победу над гракхами Дому Мэй, все твои дальнейшие свершения тоже засчитывались в нашу копилку.

– Да уж, мы истребили целую орду демонов... – задумчиво пробормотал Харул. – Если бы мне заплатили за каждого по моей обычной цене – я бы мог с лёгким сердцем отправиться на покой.

– Тебе это точно зачтётся, мой друг, – улыбнулся карлик. – Нам всем это зачтётся, надеюсь. Я, конечно, пока не раскатываю губу – всё будет окончательно известно на Празднике Жатвы.

– Что за праздник? – уточнил я.

– О, это грандиозное событие. Проводится в Альтасаре, столице конклавов, раз в несколько лет. Примерно через месяц после очередной Жатвы. Несколько дней непрерывных пиршеств и зрелищ. Я думаю, ты будешь впечатлён. Масштабно. Дорого. Ярко.

– С чего ты взял, что я вообще поеду туда?

– Потому что это нельзя пропускать! – удивлённо отозвался Акамонт. – Именно там Ординаторы и вручают награды участникам турнира.

– Ты сам говорил – я слишком многим перешёл дорогу, – напомнил я. – Так что мне не очень-то хочется лишний раз светиться.

– А как же награды за турнир?

– Пока меня больше интересует, как со мной расплатишься ты, – решил я поставить вопрос ребром.

Карлик откинулся на спинку кресла и, сцепив на животе свои короткие узловатые пальцы, окинул меня внимательным взглядом.

– Это непростой вопрос, Ян. Да, с одной стороны, вы с Харулом заработали кучу очков, убивая демонов и спасая гелотов. Но, помимо этого, вы и вырезали кучу Жнецов. А это не принесёт Дому Мэй ничего, кроме проблем. Строго говоря, вы меня здорово подставили.

– Ну, у меня была веская причина, – пожал плечами Харул. – Я зарубил Надзула и ещё пару его ребят, потому что мы пытались захватить пилон...

– И это с лихвой оправдалось бы, если бы пилон и правда был наш. Или если бы ты сумел собрать с погибших амальгаму. А так... Разгребать всё это мне придётся очень долго, поверьте.

Он скорбно скривился, всем своим видом показывая, что уже заранее страдает от грядущих убытков.

– Впрочем, на награду от Ординаторов мы по-прежнему можем рассчитывать. А вот как мы ей распорядимся... Нужно крепко подумать.

Он был прав. Я уже понемногу начал ориентироваться в нюансах, касающихся турнира, да и Джабари меня во многом просветила.

У Жнецов Великих Домов всё куда проще. Они служат своему Дому по праву рождения, и им нет необходимости заключать какие-либо сделки. Амальгаму, которую они получают от Жнецов за свои свершения, они передают главе Дома, а уж тот распоряжается ею по своему разумению. Но в Доме Мэй всё не так. Все так называемые Жнецы Акаманта – не рыцари, присягнувшие Дому, а просто наёмники. Стало быть, ему нужно как-то расплатиться с ними за службу.

Со мной и Харулом – в том числе.

– Чтобы исключить возможные недоразумения, скажу сразу, – упершись своими пухлыми ладонями в столешницу, твёрдо произнес карлик. – Мне нужна амальгама. Ради этого я затеял участие в турнире. И я готов заплатить за неё любую цену.

О том, зачем ему нужна амальгама, можно было и не уточнять. Даже пары кластеров должно хватить, чтобы он смог управлять своим телом на клеточном уровне. А это – возможность для него исцелиться, исправить огрехи природы. Думаю, ради этого он и правда готов на что угодно.

– Понимаю, – кивнул я. – Но всё же предлагаю вернуться к этому разговору позже. Как говорят в моём мире, глупо делить шкуру ещё не убитого медведя.

– Ещё одна мудрая мысль.

– А насчет амальгамы... Я удивлен, что ты до сих пор не обзавелся ею. Я уже слышан о твоём богатстве и влиятельности. Неужели ты не смог купить хотя бы пару кластеров?

– Купить? – удивлённо переспросил Акамант.

Кажется, я сморозил какую-то глупость.

– Я понимаю, что Ординаторы не продают её напрямую. Но можно ведь, наверное, договориться с кем-то из высокородных...

Карлик покачал головой, пряча усмешку.

– Тебе простительны такие вопросы, Ян, поскольку ты новичок в нашем мире. Но позволь просветить тебя на этот счёт. Никто из высокородных в здравом уме не передаст даже один кластер Серебряной крови за пределы своего Дома. Это не товар. Это дар. Величайший дар Изначальных, владеть которым могут лишь самые достойные. И ты даже не представляешь, какую бурю вызывали у высокородных слухи, что некий гелот из Пасти смог убить нескольких Жнецов и забрать их амальгаму.

– Теперь они наверняка хотят отомстить за своих бойцов? – стараясь, чтобы это прозвучало беспечно, спросил я.

– Да дело даже не в мести. Само то, что амальгаму получил какой-то выскочка-гелот – это ужасное кощунство над всей идеей о *primum sanguis*. Серебряной кровью имеют право владеть только высокородные. Именно поэтому мне, например, до сих пор не получилось раздобыть ни одного кластера. Даже через сложные цепочки подставных лиц. Если тот, кто отдаёт амаль-

гаму, будет рассекречен – он станет изгоем даже для собственного Дома. Никто не захочет так рисковать.

– Но ты-то, насколько я знаю, тоже сын кого-то из высокородных ортосов?

– Бастард, – поправил меня карлик. – Да ещё и мать моя была гелотом в первом поколении. Для аристократов Аксиса я не просто отброс. Я – смачный плевок им в рожу. Особенно для ортосов. Я ведь наглядная иллюстрация того, как выглядели бы их собственные отпрыски, если бы не Серебряная купель. А уж поверь, больше всего высокородные не любят, когда их тычут мордой в их же собственное дерьмо.

Я задумался. Если всё так, то даже удивительно, что Ординаторы в открытую признали меня, позволив официально выступить на стороне Дома Мэй. Этим они подставили под удар собственную репутацию. Интересно, как они теперь будут выпутываться. Надо будет расспросить об этом Джабари.

– В конце концов, амальгамы в принципе очень мало, – продолжил объяснять Акамант. – На всем Аксисе тех, кто обладает ею, наверное, и тысячи человек не наберётся. При этом кластеры её не вечны, и со временем разрушаются. Свежие можно получить только на Праздниках Жатвы. Но и там Ординаторы с каждым разом всё менее щедры.

– Может, Рой и правда начал иссякать? – предположил Харул. – И со временем Ординаторы и вовсе не смогут производить новую амальгаму?

– Или же они откладывают кластеры для каких-то тайных целей. Тут гадать бесполезно. Увы, доступа в Чёрную пирамиду у меня нет.

– На крайний случай, амальгаму ведь можно получить и с трупа... – ковыряясь вилкой в тарелке, проговорил я.

– Нет, Ян, убийство носителя Серебряной крови – тоже не вариант. Стоит новому носителю активировать амальгаму – Ординаторы узнают, кто это, и он станет вне закона. Не говоря уже о том, что убить человека, усиленного амальгамой, не так-то просто...

Я, наконец, отодвинул от себя тарелку и запил мясо бокалом терпкого красного вина. Еда мне понравилась, а вот разговор начал утомлять. Кажется, Акамант пытался попросту заболтать меня, и делал это с мастерством истинного дипломата. Вроде бы и по делу говорил, и я прояснил для себя кучу всяких деталей. Но главного так и не услышал.

– Ну, хорошо. Подытожим, – сказал я. – Ты хочешь, чтобы я явился на этот ваш Праздник Жатвы, получил амальгаму от Ординаторов и отдал её тебе. Но ты так и не ответил, что я получу взамен.

– Так скажи, чего ты хочешь, – пожал плечами Акамант. – Я постарался быть предельно откровенным. Ты нужен мне. Нужен, как никто другой. Но, думаю, и я могу быть тебе полезным.

Я ещё раз взглянул в глаза карлику. На что он готов пойти, чтобы перестать быть Обрубком, как жестоко величают его враги? Я думаю, на многое. В том числе наверняка и на весьма неприглядные вещи. Стоит ли рассказывать ему о дочери? Не обернёт ли он эту информацию против меня?

Такую возможность нельзя было исключить.

Но, с другой стороны, зная, на что я способен, он будет идиотом, если попытается меня кинуть. Я бы, например, не хотел бы видеть у себя во врагах типа, по уши накаченного амальгамой и умеющего неожиданно выныривать из воздуха, как черт из табакерки.

– У меня есть дочь, – наконец, признался я. – Ей шесть лет. И на момент начала Жатвы она была в городе. Я думал, что она находится в том пилоне. Поэтому и подговорил Харула попытаться захватить именно его.

Акамант чуть прищурился, и по его виду я понял, что для него это не новость.

– Харул рассказал мне, что ты искал там кого-то из близких. Значит, дочь...

– Да. Если она попалась на глаза кому-то из Жнецов – то те наверняка постарались заполучить её. Из-за генов Изначальных.

– Учитывая, что ты можешь использовать оружие древних... – пробормотал карлик, понимающе кивая.

– Именно. Поможешь найти её? Её могут держать не в общем лагере, а где-то в укромном месте. А может, и вовсе уже вывезли в большой мир.

– Если это так – то поиски сильно осложнятся... Но ты обратился по адресу. Если кто-то и сможет отыскать её следы – так это мои люди. При условии, что она жива, разумеется. Я понимаю, что тебе хочется верить в это, но...

– Она жива, – с нажимом произнес я.

– Как скажешь, – развел руками карлик, снова откидываясь на спинку кресла. – Что ж, я постараюсь помочь, чем смогу.

– Буду признателен. И, чтобы тебе интереснее было этим заниматься... Я готов сделать тебе ещё одно предложение. Наедине.

– Говори. От Харула у меня нет секретов, – небрежно качнул головой Акамонт.

Я подался вперед и продолжил уже тише – так, что и самому карлику пришлось наклониться, чтобы расслышать меня.

– У меня ведь есть свободные кластеры амальгамы. И если ты найдешь мою дочь, я отдам их тебе. Думаю, трёх будет достаточно?

Акамонт заметно вздрогнул и пристально взглянул мне в глаза. Пожалуй, впервые из его взгляда улетучилось ироничное выражение. Мои слова явно затронули в нем какие-то глубинные, потаённые струны.

– Ты... добровольно отдашь мне три кластера амальгамы? Вот так вот запросто?

– Не запросто. А в обмен на дочь.

Карлик недоверчиво усмехнулся.

– Знаешь, в прежние времена, когда Ординаторы не так жестко следили за легитимностью передачи амальгамы, аристократы ради пары кластеров вовсю резали родных братьев, отцов, матерей...

– Меня это не удивляет. Но мне плевать, какие обычаи царят в этих ваших Великих домах. Я даю тебе слово: найдешь мою дочь живой и невредимой – получишь свою амальгаму. И милости Ординаторов ждать не придётся. Да и мне не надо будет рисковать, появляясь на празднике.

Это, конечно, был весьма щедрый жест с моей стороны. Но мне нужно было крепко посадить Акамонта на крючок, чтобы он даже не помышлял о том, чтобы использовать меня в своих политических интригах. А он мог бы.

Сейчас, после его пояснений о некоторых сторонах жизни аристократов Аксиса, я понял, что на самом-то деле подложил Акамонту здоровенную свинью. Каждый носитель амальгамы – та ещё священная корова. Ординаторы отслеживают каждого из них, а уж убийства рассматривают с особой тщательностью. Выражаясь земными терминами, убийство носителя Серебряной крови – это настоящий теракт. И за каждый из них кто-то должен брать на себя ответственность. Вот и выходит, что в ходе турнира я с барского плеча повесил на Дом Мэй сразу с полдюжины убийств.

– По рукам, – после затянувшейся паузы вдруг коротко ответил Акамонт.

Чтобы ответить на его рукопожатие, мне пришлось подняться и подойти к столу. Ладонь его, хоть и была почти детской по размерам, оказалась удивительно сильной.

– Не знаю, как в твоём мире, но в нашем купеческое слово порой куда крепче, чем слово чести аристократа, – добавил он, не отпуская мою руку. – Надеюсь, и ты меня не разочаруешь.

– Постараюсь. Если сам жив буду...

– Вот как раз с этим могут быть проблемы, – мрачно усмехнулся Харул. – За твою голову назначили награду.

– Я уже слышал, – спокойно кивнул карлик.

– Странно, что пока только гракхи.

– А меня это как раз не удивляет. Данакт сейчас, как престарелая дама, пустившая ветры на балу. Пытается всем видом показать, что вообще ничего не происходит.

– Считает ниже своего достоинства связываться с гелотом? – понимающе кивнул Харул.

– Вроде того. Но это не мешает ему мстить. Просто делать это он будет тайно. Но хуже всего, Ян, что он видел тебя. Лично. А значит, ортосов уже не получится обвести вокруг пальца, распустив слухи с ложными описаниями внешности.

– Как-нибудь переживу, – проворчал я.

– Я бы на твоём месте не был столь самонадеян. От Харула я слышал о твоих невероятных способностях. Может, тебя и правда невозможно убить в бою. Но даже самого искусного воина можно застать врасплох. На пиру, в постели, в дороге. Нельзя предусмотреть всего.

– И что ты предлагаешь?

– Раз уж ты выступил на турнире союзником Дома Мэй, то будет логичным, если я попробую провести с Данактом переговоры насчёт тебя. Но мне нужен хороший козырь.

– И?

Акамонт скосил глаза на мою правую руку – туда, где из-под рукава хламиды показался край золотого наруча со Светом зари.

– Ты убил Дангилая – восходящую звезду Дома Ортос. Данакт, похоже, всерьёз рассматривал его на роль своего зятя. Этот ущерб ты ему, конечно, никак не сможешь возместить. А вот если бы ты вернул одну из реликвий, принадлежащих его Дому... Не бесплатно, конечно...

– Об этом не может быть и речи, – покачал я головой. – Оружие мне пригодится и самому. Пусть скажет спасибо, что я оставил в живых его дочку.

– Насчет этого, насколько я знаю, вы уже квиты. И это, кстати, тоже стало моей проблемой, а не твоей. Мне ведь нужно теперь как-то пристроить тех людей, которым ты, по доброте душевной, обеспечил свободу. Кто-то ведь теперь должен их кормить, одевать, защищать. До того времени, как я смогу вывезти всех этих людей в большой мир и хоть как-то пристроить, все они – как дети малые. И все затраты на них – на моих плечах...

Ох и жук! Ну, торгаш – он и есть торгаш. И он вряд ли бы добился того, что имеет, если бы не умел отстаивать свои интересы.

Впрочем, я ему верю. Я и правда как-то не подумал, что будет со всеми этими людьми из девятого пилона, которым я выкупил свободу за деньги Данакта Ортоса. Им ведь теперь нужно как-то выживать, и без помощи им не обойтись. Свобода сама по себе ничего не стоит, если ты не можешь сам себя обеспечить хотя бы самым необходимым...

Я вспомнил о крыльях Регины, которые до сих пор хранились в моей Суме. Пока что я таскал их, как чемодан без ручки. Бросить было жалко – я понимал, что, как и любой рабочий артефакт древних, это огромное сокровище. Но при этом и использовать их я не горел желанием. Громоздкие, слишком приметные, да и каких-то принципиально новых возможностей мне не дают. Стреляют, как и Испепелитель, с помощью кристалла Аракетов Радиумная вспышка. Летать с их помощью можно крайне недолго, только парить, замедляя падение. А такой фокус я могу проверить, просто нырнув в полете в серый мир.

Выходит, сейчас они у меня лежат мёртвым грузом. Ещё и место в пространственном кармане занимают, так что туда ничего больше толком не поместишь...

Когда я буквально выудил Крылья Рассвета из воздуха, Акамонт удивлённо присвистнул. Этого проныру, кажется, мало что могло удивить, но мне это явно удалось.

В сложенном состоянии крылья были довольно компактными и удивительно лёгкими – золотистый металл, из которого древние арраны изготавливали свои доспехи и оружие, был крепче стали, но легче даже алюминия.

– Вот это да! – присвистнул Акамонт, подхватывая артефакт обеими руками и бережно укладывая к себе на колени, придерживая, как младенца. – Впервые вижу оружие Аракетов так близко...

– Можешь начать переговоры с Ортосами, – предложил я. – Потяни время, поторгуйся. Пусть они думают, что со временем смогут выкупить и остальные артефакты.

– Понимаю. Хорошая мысль.

– Только у меня одно условие. Те люди, которых я освободил... Не бросай их. Обещай, что поможешь им всем добраться до обжитых мест и обустроиться.

– Конечно.

– И ещё. Данакт выкупил свободу только тем, кто был в самом пилоне. Но рядом с ним был лагерь повстанцев. И некоторые из них выжили. Попробуй отыскать их всех и тоже выкупить.

Акамонт усмехнулся и печально покачал головой.

– Твоя забота о соплеменниках похвальна. Но что дальше? Предложишь выкупить свободу вообще у всех, кто в этот раз угодил в Пасть? Ты явно переоцениваешь мои возможности...

– А по-моему, ты скромничаешь. Уж на то, чтобы выкупить несколько десятков гелотов, у тебя всегда денег найдётся. К тому же, я ведь отдаю тебе Крылья Рассвета. Уверен, ты сможешь выторговать за них хорошую цену у Данакта. Это покроет все твои расходы.

– Более чем, – признал Акамонт, пряча артефакт в потайной отсек под своим сиденьем. Взглянул на меня с прищуром, будто заметил что-то, что раньше скрывалось от его глаз.

– А знаешь, тут мы похожи.

– Чем?

– Я тоже не люблю оставаться в долгу. Наоборот, стараюсь, чтобы те, кто меня окружают, были в долгу передо мной. Это ведь отличный способ проверить человека.

– Угу, – мрачно отозвался Харул, поднимаясь с кресла и, кажется, прислушиваясь к чему-то. – Или остаться в дураках.

– Ты не прав, ведьмак.

– Разве в твоей жизни не бывало такого, что тебе не возвращали долги?

– О, таких историй я тебе могу рассказать сколько угодно. Но видишь ли, в чем фокус. Если кому-то удалось обмануть меня – это не значит, что я дурак. Это лишь значит, что я доверял человеку больше, чем тот заслуживает. В итоге я, обойдясь некоторыми потерями, избавился от гнили в своём кругу. Он же ради сиюминутной выгоды потерял моё доверие, которое стоит неизмеримо больше. И кто же из нас дурак?

– Пожалуй, да, в этом мы похожи, – сказал я. – Я тоже не даю второго шанса тем, кто обманул меня однажды.

Всё это смахивало на обмен скрытыми угрозами, и, судя по выражению лица Акамонта, он тоже именно так к этому и относился. И воспринимал, как должное.

Что ж, кажется, с ним и правда можно иметь дело.

– Раз уж пошёл такой откровенный разговор, Акамонт. Скажи честно – ты сам веришь, что сможешь отыскать мою дочь?

– Если бы я считал, что шансов нет вовсе – то не стал бы ничего обещать. Но я бы не надеялся на быстрый результат. Готов биться об заклад, что в крепости её уже нет. Так что с каждым часом область поиска будет только увеличиваться.

– Сколько времени тебе понадобится?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Я ведь не бог и не демон. С моей стороны глупо было бы давать такие прогнозы. Но, боюсь, дело может затянуться. Будь готов ждать. Недели. Месяцы. Годы. И молиться своим богам, что она вообще ещё жива.

Я скрипнул зубами от досады. Чтобы не показывать своего разочарования, кивнул на прощание и направился к выходу. Дойдя до полога, прикрывающего вход в шатёр, нырнул в серый мир и дальше зашагал уже по изнанке.

Кажется, Харул попытался догнать меня, но выскочив из шатра, остановился. Я не стал возвращаться – сейчас мне нужно было побыть одному и еще раз всё хорошенько обдумать.

Недели. Месяцы. Годы.

Эта фраза билась в голове набатом, заставляя сильнее стискивать зубы и ускорять шаг.

Хотя, чего я ожидал? Джабари только на то, чтобы проверить информацию по лагерю и найти хоть какие-то зацепки, попросила несколько дней. А если Лиску и правда уже вывезли в большой мир – даже Ординаторы вряд ли смогут выследить её по горячим следам. Вся надежда на их сеть осведомителей и шпионов. Рано или поздно сведения о необычной пленнице должны будут где-нибудь всплыть. Но всё это время ребёнок будет находиться в лапах у арранов.

Недели, месяцы, годы...

Ну, нет уж! Так долго ждать я не могу. И молитвы тут вряд ли помогут. Но остаётся ещё один вариант. У меня ведь есть выход на куда более могущественные силы, чем Дом Мэй или даже Ординаторы.

Я заглянул в Суму фокусника. Сейчас, когда я отдал Акаманту артефакт древних, в ней остались лишь четыре Камня Лабиринта с одинаковыми рунами на них.

От воспоминаний о первой нашей встрече с Госпожой Эреш неприятно заныло под ложечкой. Возвращаться к ней жутко не хотелось. Я бы предпочел еще раз встретиться с её братцем и вытрясти из него сведения о том, где находится Лиска. Но Козлоногий не появлялся в реальном мире, и что-то мне подсказывало, что появится не скоро. Придётся искать его самому. Как говорится, если гора не идёт к Магомету...

Я достал из сумы один из камней и потёр его пальцами, как монету. Гладкая поверхность артефакта приятно холодила пальцы и слегка покалывала, будто наэлектризованная. На Аксис опускалась ночь. А ночь – это её время...

Что ж, пора нам снова встретиться, Владычица перекрёстков.

Глава 3

Конечно, я не отправился к Госпоже Эреш, очертя голову. Нужно было подготовиться.

Для начала я постарался вспомнить всё, что узнал до этого о Лабиринте, и записал в блокнот, встроенный в интерфейс амальгамы. Пока сведения были очень скудными, а некоторые не помешало бы уточнить при встрече с Госпожой. Но список тут тем более пригодится – чтобы не упустить ничего важного.

В Суму фокусника загрузил небольшой запас еды и питья. Туда же отправились и полезные мелочи, которыми я разжился ещё во время Жатвы. Бинокль, фонарик, верёвка, зажигалка. Я не знал, что за испытания меня могут поджидать в этой устраиваемой потусторонними сущностями игре. Всего предусмотреть невозможно. Но надо хотя бы попытаться.

Одежда у меня была вполне подходящая для похода. Местную мешковатую накидку с капюшоном, которую раздобыл для меня Харул, я носил прямо поверх своего импровизированного тактического костюма, состоящего из охотничьих штанов и куртки, трофейного гракхского пояса-разгрузки и крепких берцев. Золотые наручи Аракетов – Свет Зари и Испепелитель – тоже были готовы к бою. Заряды Накопителей в них за это время полностью восстановились.

Но всё же, признаться, я не сразу решился активировать камень Лабиринта. Время уже перевалило за полночь, я сидел на окраине лагеря Мэй, укрывшись от лишних глаз между штабелями стройматериалов.

Этой ночью было прохладно, накрапывал мелкий противный дождь. Однако облака затянули небо не полностью – луна то и дело выглядывала из-за них, заливая окрестности призрачным серебром. По-моему, она была гораздо крупнее, чем на Земле, и имела заметный голубоватый оттенок. Может, конечно, просто какой-то оптический эффект.

Камень Владычицы Перекрёстков охлаждал пальцы и, казалось, слегка вибрировал, словно в нетерпении. Я, наконец, зажал его в кулаке, на секунду зажмурился, сосредоточившись на мысленной команде.

Когда снова открыл глаза, высоко над головой сияла полная луна в окружении целой россыпи звёзд. На Земле я не умел находить созвездия, так что сейчас не мог сказать, такие же они, как дома, или какие-то другие. Но сами звёзды, пожалуй, были крупнее и ярче привычных.

Разжав кулак, я увидел, что магический камень раскололся на хрупкие осколки, легко крошащиеся под пальцами до состояния пыли. Я стряхнул их с ладони и, кажется, они растворились в воздухе раньше, чем долетели до земли.

В этот раз я не увидел никаких врат в скале, а оказался сразу в лесу неподалеку от заветной поляны. Путь к ней был чётко обозначен – по сторонам от заметной даже при лунном свете тропинки мерцали рои каких-то светящихся насекомых.

Сам лес не изменился. Густая чаща невысоких, но кряжистых деревьев, переплетенных друг с другом ветвями, колючий кустарник по низу. Расступались эти заросли только для того, чтобы пропустить путника к поляне, на которой издали было видно два горящих факела и бледную фигуру между ними.

Я старался идти спокойно. Быстрый шаг Эреш могла истолковать, как признак нетерпения. Если же медлить – подумает, что боюсь. Впрочем, наверное, глупо рассчитывать на то, что можно спрятать свои эмоции от высшего существа. Я и сам от себя их не мог толком спрятать.

Можно было бы и вовсе подавить эмоции с помощью амальгамы, сделавшись холодным и бесстрастным, как робот. Но я не хотел этого делать. Мне хватило и того раза, при штурме пилона. До сих пор вспоминаю о тех событиях с содроганием. И дело даже не в ужасах, что там творились. А в том, как я на них реагировал. Насколько спокойно и расчётливо бросал умирать тех, с кем до этого бился плечом к плечу...

Умом я понимал, что во многом именно отключение эмоций помогло мне тогда выжить и не схлопотать ПТСР, как Рустам. Но я не мог отделаться от мысли, что Макса всё же можно было спасти. Но ведь я даже не попытался. Потому что это, видите ли, было не рационально...

В общем, для себя я решил, что подавление эмоций буду использовать только в самых крайних случаях. Иначе так можно растерять всё человеческое.

Здоровенный камень размером с рояль, с плоской, будто срезанной острым ножом верхушкой тоже был на прежнем месте. Только Эреш в этот раз сидела прямо на нем, на ближнем ко мне краю, закинув ногу на ногу и глядя по голове черного пса, стоящего рядом и положившего лобастую голову ей на колени.

Струящееся одеяние, голубоватое в свете луны, не скрывало её фигуры, а лишь подчеркивало её. И посмотреть было на что – каждый её изгиб будто был выточен из мрамора гениальным скульптором. Бледная, гладкая, чуть светящаяся изнутри кожа лишь подчеркивала эту схожесть с древнегреческой статуей. И точно так же, как статуя, Эреш не вызвала никаких эротических фантазий. Особенно если взглянуть в её глаза – два чёрных провала в бездну, в глубинах которых мерцают бесконечно далёкие огоньки.

Да, она красива. Не просто красива – безупречна, как богиня. Но для неё это просто образ, оболочка, не передающая сути. Нельзя забывать, что она не человек и даже не арран.

– Ты всё-таки вернулся, – удовлетворённо кивнула Хозяйка перекрёстков, не переставая скользить пальцами по гладкой чёрной шерсти пса.

– Вы ведь знали, что так и будет, – пожал я плечами.

Говорил я по-русски. Обитателям этой реальности, кажется, вообще без разницы, на каком языке я говорю. У меня в прошлый раз даже сложилось впечатление, что Эреш шевелит губами лишь для вида, а на самом деле могла бы транслировать свою речь напрямую мне в голову.

– Конечно, знала, – отозвалась она с лёгкой улыбкой.

– Я согласен войти в этот ваш Лабиринт, – с ходу заявил я. – Или Паутину, не знаю, как правильнее. Но у меня вопрос...

Эреш выпрямилась, приподняла одну бровь.

– Я хотел бы поговорить с... Энки. Вашим братом. Как мне это сделать? Может, есть какой-то способ встретиться с ним или призвать...

– Есть, – к моему удивлению, кивнула демоница. – Как раз здесь его проще всего найти, ведь это и его дом, как и мой. Энки может встретиться тебе во время испытаний в Лабиринте. Есть места, в которых он может появиться с какой-то вероятностью. В некоторых он появляется обязательно. Наконец, есть камни, с помощью которых можно выйти на него напрямую.

– Как мне получить такой камень?

Эреш пожала плечами.

– Нет какого-то конкретного способа. Камни достаются ныряльщикам во время их странствий по Лабиринту. Чаще всего награды выбираются случайным образом.

– И вы не можете как-то повлиять на то, какой камень достанется игроку? Немного подыгрывать мне? Это очень важно.

– Хм... Это возможно. В некотором роде.

Она, наконец, отстранила пса и встала. Я был всего в паре шагов от неё и отметил, что мы с ней примерно одного роста. А может, она даже повыше. Притом, что каблуков не носит – на ногах у неё изящные, украшенные драгоценными камнями сандалии с высокой шнуровкой, доходящей почти до колен.

Обойдя камень и заняв своё привычное место за ним, она продолжила:

– Но не забывай: я – лишь проводник, помогающий адхва-га в их путешествии. Разъясняю правила, выдаю награды, отвечаю на вопросы. Я не могу влиять на саму игру. И никто не может. Разве что Кайрос всюду прикладывает свои шаловливые ручонки.

– Кайрос? Кажется, это имя не упоминалось прежде. Кто он? Чего от него ожидать?

– Чего угодно. Он – не добро и не зло. Впрочем, эти понятия в Лабиринте вообще мало что значат. А Кайрос... Он крайне редко является во плоти, но незримо присутствует везде, где есть место слепой случайности. Он – в поворотах монеты, в отскоках игральной кости, в последних витках раскрученного волчка...

– Демон... удачи? – предположил я.

– Я бы сказала «случая». Да и слово «демон» не очень подходящее.

– Предпочитаете, чтобы вас называли богами или богинями?

– Откровенно говоря, нам безразлично, как нас называют смертные. У каждого из нас – сотни имён и образов, которыми нас наделили обитатели бесчисленных миров. Но всё это – лишь ярлыки, которые могут запутать тебя. В Лабиринт лучше вступать, отринув всё, что знаешь. Нужно лишь видеть перед собой цель. Ты видишь её?

– Думаю, да.

– Это хорошо. Потому что блуждать по Паутине без цели – это самый верный способ сгинуть в ней навсегда.

Она царственным жестом указала мне на импровизированное сиденье напротив себя. Толстый древесный корень, дугой выпирающий из-под земли, на глазах выгнулся чуть выше, подстраиваясь под мой рост. Я сел и окинул взглядом каменную столешницу.

Центр её был чист, лишь по краям стояли и лежали всякие мелочи – кинжал, кубки для вина, человеческий череп, жемчужные бусы и еще масса всего. Скорее всего, просто антураж. А вот несколько резных каменных шкатулок по правую руку от Эреш – явно важные предметы. Демоница смотрела на меня, задумчиво постукивая по крышке одной из них блестящими чёрными ногтями.

– Ты ведь помнишь наш предыдущий урок?

– В общих чертах.

– Что ж, я напомним основы. С остальным будем разбираться по ходу путешествия. Всего за раз не расскажешь.

Она открыла шестиугольную малахитовую шкатулку размером с чайное блюдце. Я увидел, что дна у шкатулки нет – лишь сплошная чернота, будто прямо сквозь стол пробурена глубокая скважина. Из тьмы с приятным перестуком, похожим на звук сталкивающихся бильярдных шаров, вылетел целый рой каменных шестиугольных фишек. Он плавно описал над столешницей широкую спираль, то расширяясь, то сужаясь. Наконец, замер так, что можно было разглядеть составляющие его камни с высеченными на них светящимися рунами.

– Итак, есть камни, созданные самой Великой Ткачихой. Их называют по-разному. Камни Лабиринта, Паутинные камни, Камни Великой ткачихи. Это главный инструмент, с помощью которого смертные могут взаимодействовать с Лабиринтом. И использовать их могут только смертные.

Каменные фишки парили перед Эреш в воздухе, и не было заметно, что она как-то управляет ими. Она сидела спокойно и прямо, не сводя с меня глаз.

– Распознать камни легко. На каждом из них есть руна, описывающая его свойства. Чтобы понять это описание, не нужно знать никаких особых языков – сила, заключенная в камне, передаст это знание прямо в разум смертного.

– Да, это я помню.

– Хорошо.

Фишки вдруг обрушились на стол, будто лишились невидимой опоры. Но при этом не рассыпались, не поскакали россыпью по столешнице, а легли ровным узором, похожим на детскую мозаику. Руны при этом оказались скрыты – все камни легли гладкой стороной вверх. В центре узора осталось небольшое окошко размером в несколько фишек.

– Камни бывают нескольких типов. Те, что на столе, называются Камнями Испытаний. Они переносят странника в определенное место в Лабиринте, в котором ему нужно будет выполнить задание. Эти места принято называть Осколками.

– Тоже помню. Этот узор на столе – что-то вроде карты.

– Да. Но карта эта – как лоскутное одеяло. Жаркая первобытная пустыня тут может соседствовать с зараженным радиацией городом. А тот – с островом посреди океана. Поэтому нет смысла пытаться достичь границ того места, куда тебя забросит. Есть лишь два верных способа покинуть Осколок. Либо выполнив испытание...

– Либо потратив камень Владычицы перекрёстков.

– Верно. Но советую их приберечь на самый крайний случай. В первых раундах игры на столе – лишь серые Камни Испытаний. Они ведут на небольшие и относительно безопасные Осколки, и с заданиями на них под силу справиться даже простому смертному. За прохождение каждого серого Осколка в следующей партии игрок получит шанс, что на стол ляжет белый камень – более высокого ранга. И так далее.

Я пригляделся к фишкам. Они и правда были сработаны из серого с прожилками камня, похожего на обычный мрамор.

– А все эти места, в которые я буду попадать... Всё это реально? Или какие-то иллюзии, которые вы создаёте специально для испытаний?

– Всё, что происходит в Лабиринте – однозначно реально. Как реальны и сами Осколки. Некоторые из них – действительно ошметки миров, разрушенных Слепым пожирателем и плавающие в бесконечном океане хаоса. Другие являются частью обычных миров, просто обособленной во времени и пространстве.

– А цель раунда, как я помню – добраться до центра этой штуки. И что там?

– Правильный вопрос. Именно поэтому я и спрашивала тебя о цели. В начале каждого раунда странник должен определиться, зачем пришёл. Это и станет его главной наградой, когда он доберётся до цели.

Я посмотрел на пустующее место в центре рисунка.

– И цель можно загадать любую? Что, если я попрошу, чтобы мне вернули жену и дочь? Эреш покачала головой.

– Наградой может быть лишь артефакт, связанный с самим Лабиринтом. Но многие из них потом можно использовать и в мире смертных. Это второй тип камней, называемый Камнями Добычи. Один такой я передала тебе с Энки.

– Сума фокусника?

– Именно. И, кстати, раз уж об этом зашла речь...

Эреш приоткрыла другую шкатулку – тоже шестиугольную, но вырезанную из черного гладкого камня с зеленоватыми прожилками. Оттуда вылетели несколько каменных фишек и легли на стол рунами вниз, в стороне от основного поля.

– Путешествуя по Лабиринту, можно использовать только вещи, даруемые самим Лабиринтом. Поэтому в начале партии игроку выдается пять случайных Камней Добычи. Поскольку это первая партия, то среди этих камней точно будет один камень оружия. Нельзя отправляться на испытания с голыми руками.

Я напрягся и невольно коснулся наруча со Светом зари.

– Постойте-ка... Хотите сказать, что я не смогу пользоваться своим?

– Только одеждой. Оружие, вода, еда и прочие посторонние предметы исчезнут, когда ты перенесёшься на первый Осколок. Лучше всего выложить их здесь и забрать при возвращении в свой мир.

Говорила она это с лёгкой усмешкой, а то и злорадством. Хотя, наверное, мне показалось. До сих пор она никак не выказывала своего раздражения или обиды, хотя Козлоногий утверждал, что во время прошлой встречи я здорово её разозлил.

– Должна предупредить и ещё об одном. Твой дар в Лабиринте тоже не будет действовать. По крайней мере, в большинстве Осколков.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Сложно нырнуть под воду, когда уже находишься под водой. Ткань мироздания здесь гораздо более монолитна. Здесь нет слоев, через которые можно было бы перемещаться в любом месте и в любой момент. Кстати, исходя из этого некоторые философы, изучавшие Паутину, выводили любопытные теории.

– Например? – машинально спросил я, хотя мысли всё ещё крутились вокруг проблемы с оружием. Свет зари был у меня всего несколько дней, да и способность нырять на изнанку я научился контролировать совсем недавно. Но без них я уже чувствовал себя голым и беззащитным.

– Например, о том, что именно Паутина и Элизиум в её центре – и есть изначальное творение Араноса-Создателя. Истинная реальность, противопоставленная первозданному хаосу Заарума и Слепому пожирателю. Миры смертных же – это лишь дополнительные слои этой реальности. Отражения. Тенёта, сотканные Великой ткачихой...

– И это правда?

Эреш, кажется, всерьёз задумалась, потому что ответила не сразу.

– Кто знает... Сложно судить об этом изнутри. Впрочем, есть теория, что как раз для этого и созданы миры-отражения и сами смертные. Но мы отвлеклись на философию. А я вижу, что ты чем-то обеспокоен.

– Думаю, вы и так знаете, чем, – проворчал я. – Я бы предпочел отправиться в путь во всеоружии. А что насчет амальгамы?

– Серебряная кровь останется с тобой.

Уф, ну хоть что-то. Это, кстати, еще раз косвенно подтверждает, что амальгама каким-то образом связана с Паутиной.

Я сделал мысленный запрос Аме – что-то вроде проверки всех систем. После небольшой паузы она ответила, что все кластеры работают в нормальном режиме. Единственные ограничения – это сбой в системе ориентирования в пространстве и невозможность связаться с Чёрной пирамидой. Ну, это как раз ожидаемо. Как говорится, абонент вне зоны доступа.

– Хорошо. Я понял. Вернемся к награде за прохождение раунда. Я могу выбрать своей главной целью встречу с Козл... с Энки?

– Исполнение желания, – понимающе кивнула хозяйка. – Да, это часто выступает целью для ныряльщиков.

Она подняла крышку третьей каменной шкатулки – багрово-красной с желтыми прожилками, и поймала выпорхнувший оттуда камень. Поддержала на ладони, как бабочку, и сдула в мою сторону. Камень подлетел ко мне ближе и завис перед лицом так, что я смог разглядеть его.

Линзы немного поглотили, взяв его в фокус, но все же выдали короткую подсказку.

«Храм упавшей звезды». Камень Лабиринта.

– Храм упавшей звезды?

– Это Осколок, на котором гарантированно можно встретить Энки. Своего рода место паломничества для тех, кто хочет заключить с ним сделку. Хотя должна предупредить – сделки с ним бывают опасными. Да, он исполняет желания. Но всегда с выгодой и для себя. Нужно быть очень аккуратным в формулировках, иначе сбывшаяся мечта может стать проклятьем, избавиться от которого будет непросто.

– Буду иметь в виду. Хотя то желание, что он уже исполнил, меня вполне устраивает.

– Уверен?

Что-то в её тоне насторожило меня. Впрочем, под взглядом этих черных бездонных глаз вообще было неуютно, а в каждую фразу я вслушивался, стараясь не пропустить какого-то подвоха.

– Наши с дочерью жизни теперь связаны воедино. Но так я, по крайней мере, могу быть уверен, что она жива. Раз уж я жив.

– Именно этого ты желал? – всё с той же тенью усмешки уточнила Эреш. – Именно в таком виде? Или всё же дудочник подвёл тебя к этой мысли?

Конечно, я уже не помнил дословно наш разговор с Козлоногим. Вроде бы всего несколько дней прошло, но каких дней... Всё, будто в тумане.

Я поморщился, потирая лоб.

– Я не уверен, что формулировал своё желание именно так. Скорее уж он сам его так вывернул.

– Так может, это вовсе и не твоё желание, а его? – ещё шире улыбнулась Эреш.

– По нашему уговору, он защищает мою дочь, пока этого не могу сделать я. И в чём тогда его выгода?

Хозяйка перекрёстков ответила негромко, будто кто-то мог нас подслушать.

– Это, конечно, не моё дело, но я кое-что тебе объясню. Как я уже говорила, мы, обитатели Паутины, хоть и могущественны, но не всесильны. Наши возможности ограничены нашим предназначением. Большинство из нас, например, не может беспрепятственно посещать миры смертных. Но у Энки возможностей больше, если он заключил со смертным сделку и должен обеспечивать её исполнение. В твоём случае он связал себя договором сразу с двумя человеческими судьбами. И это даёт ему постоянную лазейку в Аксис...

– И зачем это ему? Чтобы найти новых жертв? – проговорил я, тоже невольно понизив голос.

– Именно, – кивнула Эреш. – Его сила основывается на сделках со смертными. Я уже говорила, что он исполняет их желания так, чтобы и самому получать выгоду. Поэтому да, ты нужен ему живым, и он действительно будет защищать твою дочь. Но ему не очень-то выгодно, чтобы ты её отыскал. Потому что, насколько я понимаю, на этом ваша сделка будет исчерпана.

Очень хотелось выругаться, но я не стал. Лишь шумно втянул воздух ноздрями.

– Тогда мне тем более хочется ещё раз потолковать с ним. И, возможно, загадать новое желание.

– Что ж, выбор сделан, – ровным голосом ответила Эреш, едва заметно кивнув. – Амен.

Камень Храма упавшей звезды опустился ровно в центр лабиринта, составленного из шестиугольных фишек. Грохнул он при этом с таким звуком, будто весил, как блин от штанги.

– Итак, камни брошены, – торжественно произнесла она. Сбившись на какой-то незнакомый язык, добавила: – Мене, мене, текел, упарсин...

Я не сводил взгляда с камней, будто от них зависела моя дальнейшая судьба. Хотя, собственно, так и было.

– Если ты готов войти в Лабиринт – выбери, откуда начнёшь путь. Помни, выбор – это главный элемент игры. Здесь нет однозначно правильных или неправильных путей. Но любой твой выбор в Лабиринте – впрочем, как и в обычной жизни – будет иметь последствия. Не всегда предсказуемые.

Я замешкался, пробегая взглядом по своим заметкам. Ничего не упустил?

– У тебя еще вопросы?

Конечно, вопросы были. Миллион вопросов! Но болтовня мне, если честно, уже надоела, хотелось действия. Однако нужно было уточнить одну важную вещь.

– Пока я буду там, в Лабиринте... Что там с течением времени? Не окажется ли так, что на Аксисе за это время пройдут годы?

– Наоборот. Ты ведь помнишь нашу прошлую встречу. Я вернула тебя в тот же самый отрезок времени, из которого забрала. Время здесь не имеет значения.

– И нет какого-то срока, за который нужно выполнить испытание?

– Чаще всего нет. Осколки проходятся очень по-разному. Некоторые можно проскочить за несколько минут. На других можно зависнуть на много часов. Многое зависит от самого игрока. Кто-то просто ищет кратчайший путь к выходу. Кто-то тщательно исследует Осколок, пытаюсь найти дополнительные награды. И порой это удаётся.

– Ладно, посмотрим... Куда мне сложить мои вещи?

Эреш небрежно указала на свободный край каменного стола. Я неохотно снял наручи, выложил из сумы всё, кроме камней лабиринта. Жестом картежника пододвинул к себе пять Камней Добычи, предложенных Госпожой.

Перевернул их один за другим.

Стальной кинжал. Фляга воды. Монета. Монета. Монета.

– Серьёзно? – скривился я. – Фляга воды? И это артефакт Лабиринта?

– Непростая фляга. Она наполняется сама собой при переходе на новый осколок. И в мирах смертных обновляется каждую полночь.

Я по очереди активировал все камни добычи, и они рассыпались, оставив на столе то, что скрывали внутри.

Фляга была примерно литровая, овальной формы, в сетчатой оплетке и с лямкой, за которую её удобно было цеплять к поясу. Но я все же отправил её в Суму, чтобы не болталась. Монеты тоже, мельком оглядев одну из них. Явно золото. На сторонах – ни номинала, ни профилей царей, ни гербов. Вместо этого на одной стороне – небольшой плоский камешек. Вроде рубин. На другой – сложный узор, расходящийся от центра. Напоминает не то паутину, не то лабиринт.

– Там нужны будут деньги?

– Иногда. Например, с некоторыми обитателями Лабиринта можно торговать. Увидишь сам. И, думаю, не стоит уточнять, что с деньгами стоит обращаться осмотрительно. Впрочем, это тоже элемент выбора. Как и в каждой грани игры.

Кинжал был самый что ни на есть обычный. Прямой стальной клинок сантиметров в тридцать, обоюдоострый, с глубоким долом и крестообразной гардой. Никаких украшений, ножны тоже простые, кожаные.

Я повертел оружие в руках, с досадой покосившись на наруч со Светом зари. Да уж... Чувствую себя, как в компьютерной игре на самом старте.

Впрочем, такие игры я всегда любил. Они привлекали тем, что развитие героя в них всегда наглядно и прозрачно. Все твои действия идут в копилку – персонаж набирает опыт, добывает ценные артефакты, становится сильнее. В жизни, увы, всё куда менее очевидно. Да и задачи стоят посложнее, чем убить монстра, получить лут и искать более сильного монстра.

Я снова встретился взглядом с Эреш.

– Осталось лишь выбрать точку входа, Ян.

Тут я не стал мудрствовать. Я сюда не за развлечениями пришёл и не в погоне за добычей с Осколков. Мне нужно побыстрее добраться до центра поля и встретиться с Козлоногим. Так что надо прикинуть самый короткий путь...

Рисунок на столе был несимметричным, так что точка входа действительно имела значение. Путем нехитрых подсчётов я выбрал участок, где от края до центра можно было добраться за минимальное количество ходов.

– Здесь.

Камень перевернулся, и начертанная на нём руна вспыхнула. Над игровым полем тут же развернулась полупрозрачная объемная картина. Безлюдная скалистая местность с одиноко торчащим вдали высохшим деревом. Довольно мрачно.

– Непроходимое ущелье, – объявила Эреш. – Что ж, тебе повезло. Не очень сложный Осколок. Не пугайся названия. Ущелье это не такое уж непроходимое. И тебе это предстоит доказать.

Видение, разворачивающееся над столом, стало таким плотным, что за ним я уже едва различал силуэт Эреш. А потом мир вокруг и вовсе как-то странно качнулся. Легкое головокружение – и я понимаю, что я уже не на поляне Хозяйки перекрёстков.

Здесь не ночь, а скорее ранний вечер. Сумеречное небо с тяжелыми, зависшими над самой кромкой скал тучами. Скалы – темные, голые, местами похожие на нагромождения каменных обломков. Подняться по ним без снаряжения, пожалуй, нереально – они не то, что отвесные, а частенько и с обратным уклоном. Так что дорога одна – по ложбине между двумя каменными грядами. Она неровная – изгибается, расширяется, сужается, так что противоположного края ущелья не разглядеть. Еще и расщелины по ней идут, некоторые довольно широкие.

Ладно, надо разглядеть поближе. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Я потихоньку зашагал вперёд, стараясь поглядывать под ноги. Впереди маячил относительно ровный участок протяженностью метров сто, как раз до сухого дерева. Но прежде чем добраться до него, придется спуститься по крутому каменистому склону. Он довольно коварный, сходу не проскочишь.

Шёл я осторожно, предварительно пробуя ногой каждый камень, на который собирался наступить. Некоторые пошатывались, парочка и вовсе сорвалась, покотившись вниз по склону. Но, наконец, я спустился на ровный участок. Дальше должно быть полегче.

Тишина, царящая вокруг, здорово действовала на нервы. А может, я просто постоянно ожидал какой-нибудь пакости. Просто перебраться на другую сторону ущелья? Вот и всё испытание? Звучит как-то слишком просто. В чём подвох?

Обогнув большой, выше моего роста валун, я расслышал позади шорох, на который вряд ли бы обратил внимания, если бы не был так насторожен. Повернулся на звук – назад и вверх, и тело тут же обдало изнутри горячей волной адреналина.

С вершины камня на меня немигающим пристальным взглядом смотрела пара желтых звериных глаз.

Глава 4

Я думал, что после Жатвы меня уже мало что сможет напугать. Я ведь уже сталкивался с жуткими тварями, от одного вида которых можно было схлопотать сердечный приступ, и укошил их не один десяток.

Но, как оказалось, натерпеться страху впрок невозможно.

Зверюга была похожа на волка, но гораздо крупнее и массивнее, с заметным мощным горбом, из-за которого башка его казалась непропорционально маленькой. Челюсти, впрочем, всё равно внушали – такой пастью запросто можно отхватить руку по локоть. Но, наверное, больше всего меня испугал не сам вид твари, и не то, что она явно собиралась наброситься. А осознание того, что всё, что у меня есть против этих клыков, когтей и полутора центнеров мускулов – это жалкий стальной кинжал.

Прежде чем хищник успел спрыгнуть с валуна, я рванул в сторону дерева, виднеющегося в сотне метров от меня. Амальгама, кажется, впрыснула в кровь столько адреналина и прочих стимуляторов, что мне бы сейчас позавидовал чемпион по спринту. Но главным допингом, конечно, было тяжелое дыхание позади, прерываемое коротким рыком.

Попытался на ходу нырнуть на изнанку – хотя бы частично, как я это обычно делал во время боя. Но ничего не вышло. Только, кажется, на короткие мгновения перед глазами начало двоиться.

Мышцы на ногах едва не лопались от напряжения, но это того стоило. Уж не знаю, побил ли я мировой рекорд в стометровке, но свой личный улучшил точно. Причем спортсмены-то бегают в легких кроссовочках по идеально ровным дорожкам. Я же, грохоча по камням тяжелыми подошвами берцев, нёсся вперед, каждую секунду рискуя споткнуться или подвернуть ногу.

Уже недалеко от самого дерева под ногами возникла расщелина, незаметная издалека. Я с разгону прыгнул, и при приземлении чувствительно приложился коленом. Благо, наколенник смягчил удар, но оставшийся десяток метров я бежал, чуть прихрамывая.

Волчара, преследующий меня, расщелину перемахнул играючи, и нагнал меня, когда я уже коснулся ствола дерева – белесого, твердого, высохшего, как кость. Я едва успел дернуться в сторону, и пасть отчетливо клацнула клыками рядом с моей рукой – будто крышка сундука лягнула.

В такие моменты, на голых рефлексх и адреналине, человек, по-моему, даже по гладкой стене может забраться до третьего этажа. Вот и я даже сам не понял, как умудрился взлететь на нижнюю ветку дерева. Мало того – даже кинжал успел выхватить. Всадил его в ствол дерева, чтобы помочь себе подтянуться.

Зверюга запоздало прыгнула за мной вслед, и когти её пробороzdили сухой ствол, срывая с него ошметки коры. Еще прыжок – и, пока я не успел подтянуться повыше, полоснула меня когтями по лодыжке. К счастью, не глубоко, лишь порвала штанину и слегка оцарапала ногу. Самое главное – когти не завязли, а не то бы сдернула меня с ветки. Но, уворачиваясь от когтей и цепляясь покрепче за высохший сук, я выронил кинжал. Блеснув на прощанье клинком, он кувыркнулся в воздухе и ухнул куда-то вниз, к корням дерева.

Да твою ж мать!

Я был примерно в трех метрах над землей, и пока подняться выше не получалось. Даже просто удерживаться здесь было сложно – высохшее дерево было гладким и твердым, почти без коры, а сучья на нем росли далеко друг от друга. Да и берцы были не очень удачной обувью для того, чтобы лазать по деревьям.

Я попытался подтянуться, чтобы добраться до развилки ствола метрах в двух над моей головой. Но сук, за который я ухватился, с хрустом надломился, и я чуть не потерял равновесие. Замер, припав к стволу и вжавшись в него всем телом, с обломком сухой деревяшки в кулаке.

Зверюга продолжала прыгать, пытаясь достать меня. Лапы её скрежетали по стволу в опасной близости. Пинать её по морде я не стал, потому что не был уверен, что выиграю это небольшое состязание по скорости реакции. Если успеет ухватить меня за ботинок или зацепить когтями – всё, пиши пропало.

Сердце после рывка по пересеченной местности колотилось, как бешеное, но я постарался успокоиться. Хотя куда там. Со страхом ещё худо-бедно можно было справиться, а вот от досады и злости на самого себя прямо кровь вскипала.

Тоже мне, великий покоритель Лабиринта! Последний из Аракетов, гроза оставшихся династий Аксиса. Драпать у тебя получилось прекрасно, воитель ты хренов. Но как ты ножик-то умудрился просрать? Чем теперь зверюгу эту будешь брать – зубами?

Волчара внизу, будто дразнясь, задрал башку и оскалился, демонстрируя великолепные клыки длиной в палец. Прыгать за мной он перестал – видно, выбился из сил. Судя по впалым бокам и торчащим из-под шкуры очертаниям рёбер, он был не в лучшей форме. Похоже, голодает много дней и уже начал слабеть. Может, только благодаря этому я и жив.

Впрочем, даже учитывая неважное состояние зверя, не верилось, что я смогу одолеть его голыми руками. Да даже с кинжалом-то – и то сомнительно.

Я продолжал балансировать на ветке, придерживаясь за ствол дерева. Сесть на неё было нельзя – если свесить ноги, зверюга вполне сможет до них допрыгнуть. Я на самом краю зоны досягаемости.

Ладно, какие у нас варианты? Долго я так не простою. Да это и бессмысленно. Волчара явно голодный, другой добычи поблизости не видно. Так что он никуда не уйдет. Мне тоже с этого дерева деваться некуда – оно одиноко стоящее, вокруг голые камни. Ни спрятаться, ни перебраться на другое возвышение. Значит, выход один – драться.

Обернувшись через плечо и вытянув шею, я попробовал разглядеть внизу свой кинжал. Удалось это не сразу, но, к счастью, амальгамные линзы работали вполне исправно, и зрение у меня даже в сгущающихся сумерках было отличное.

Кинжал обнаружился метрах в трех от ствола дерева. Хорошо, что не провалился в какую-нибудь трещину – их в округе было полно. Все дно ущелья было похоже на разбитую чашку, черепки от которой кое-как пристыковали друг к другу, но так и не склеили.

Ну и что тут прикажете делать? Спрыгнуть с трехметровой высоты, метнуться к кинжалу, подобрать его, развернуться и ринуться на волка? Звучит не очень вдохновляюще. Больше похоже на то, что на практике такой план закончится уже после первого пункта. Этот мохнатый крокодил точно не будет стоять в сторонке, выжидая, пока я верну себе оружие. Вон, зыркает как. И это что, слюна стекает по морде? Или какая-то пена? Не хватало ещё, чтобы эта тварь оказалась бешеной.

Пока я разглядывал зверя, амальгама подсветила мне его уязвимые зоны. Впрочем, они и так были понятны. Глаза, шея, подбрюшье. Будь это привычная собака или волк – пожалуй, можно было еще попробовать ударом сверху добраться до позвоночника. Но у этого горбатого страшилища сверху настоящая броня из шкуры и мышц. Так что не прокатит.

Осмотрев и прощупав ствол дерева внимательнее, я все же предпринял ещё одну попытку забраться повыше. На этот раз повезло больше – удалось найти крепкий сук, подтянуться и с относительным комфортом устроиться на развилке ствола. Уже хорошо, можно устроить себе передышку и собраться с силами. И с духом.

Правда, чем больше я наблюдал за голодным зверем, нарезающим круги под деревом, тем меньше мне хотелось спускаться. Эреш говорила о постоянной необходимости делать выбор. Но тут что-то вариантов выбора вообще не видно. Разве что рассматривать совсем уж бредо-

вые. Например, сидеть на этом дереве до посинения, проверяя, кто раньше сдохнет с голоду – я или волк. У него, судя по прилипшему к спине брюху, солидная фора...

Ладно, соберись, Ян! Придумай что-нибудь!

Плохо, что в прошлой жизни я был городским до мозга костей. Если не считать тех детских эпизодов с проваливанием в серый мир, рос я в довольно тепличных условиях, и в кругу друзей даже считался мажором. Да и во взрослой жизни предпочитал комфорт. Охоту и рыбалку не любил, по лесам сроду не шатался. Да что там, даже в городе бродячие собаки на меня ни разу не нападали. Если не считать недавнего случая, конечно.

В общем, я понятия не имел, как драться с таким зверем. В памяти всплыли разве что кадры из каких-то видео, на которых тренировали бойцовских собак. Инструкторы там еще бегали в смешных войлочных костюмах, похожие на надувных человечков.

А, кстати, это идея...

Я залез еще чуть выше. Сучья здесь были еще тоньше и опасно хрустели под нагрузкой. Но мне, собственно, это и надо было. Мне удалось отломить несколько, толщиной где-то в два-три пальца и примерно по полметра длиной. Запихал их за пазуху, прижав поясом. Спустившись обратно к развилке ствола, устроился поудобнее и стянул с себя накидку. Ткань у неё плотная, должно сработать...

Изрядно повозившись, я приладил сломанные сучья к своему левому предплечью, обмотав сверху накидкой так, что рука ниже локтя стала похожа на огромное осиное гнездо. Для верности я перемотал его сверху узкой полосой ткани, оторванной от накидки. Перехватив зубами край полосы, затянул потуже узел. Вроде неплохо держится.

– Ну что, не передумал? – буркнул я, глядя на волка. – Может, всё же разойдемся по хорошему?

Зверь, экономя силы, перестал прыгать на дерево, но и уходить явно никуда не собирался – разлегся неподалеку, поглядывая на меня. Услышав мой голос, насторожился и снова поднялся на лапы. Оскалился, будто хвастаясь клыками.

– Ну, как знаешь...

Слезать с дерева вообще тяжелее, чем карабкаться вверх. А тут ещё и левая рука, по сути, не рабочая – я перемотал её так, что ладонь оказалась глубоко внутри тряпичного кокона. Так что спускался я на нижнюю ветку, кряхтя и чертыхаясь, как старый дед.

Волчара оживился, снова нетерпеливо забегал под деревом. Даже попытался прыгнуть, но заметно ниже, чем обычно – видимо, и у него первоначальный запал ярости иссяк, а вместе с ним и силы. Так что я даже смог сесть на ветку, свесив ноги – зверь с рычанием рванулся было, вверх, но не допрыгнул – челюсти клацнули в нескольких сантиметрах от моего ботинка.

Может, попробовать его немного измотать? Хотя, пожалуй, нет. Не стоит его недооценивать. Наоборот, разозлю так, что порвёт, как Тузик грелку.

Ама, чувствуя мой настрой, явно начала накачивать меня какими-то стимуляторами – я чувствовал, как по конечностям пошёл жар, под кожей покалывало, пальцы слегка дрожали. Сердце, хотя я сидел относительно спокойно, начало разгоняться – пульс подскочил явно выше ста пятидесяти.

Я снова шевельнул ногой, нарочито спуская её чуть ниже, а когда волк прыгнул, поджал её. Постарался поймать момент, когда зверь, зависнув на долю секунды в верхней точке траектории, опять полетел вниз.

Тогда-то я и прыгнул.

Приземлились мы почти мгновенно. Твердая каменистая почва ощутимо ударила по подошвам, так что колени подогнулись. Выпрямляя их, я кувыркнулся вперед, к кинжалу. Но подхватить его не успел, хотя уже нащупал взглядом. Волк, мгновенно развернувшись, уже прыгнул на меня – без всякого разбега, одним махом, будто у него в задних лапах пружины

взведенные. Я едва успел поднять левую руку, защищая лицо и горло, и буквально запихнул её зверю в раскрытую пасть.

Страшные зубы сомкнулись у меня на предплечье, легко прокусывая намотанную мешковину. Затрещали примотанные к руке сухие ветки, пара самых длинных клыков с ходу пробила все слои моей жалкой брони и впились в плоть. Зверь сшиб меня с ног, повалил на спину, придавливая к земле всей тушей. Пасть я ему на время заблокировал, но когтями на передних лапах он мог орудовать свободно. Разодрал мне весь бок, кромсая крепкий гракхский пояс-разгрузку так, будто он был сделан не из нескольких слоев дубленой кожи, а из картона.

От боли я и сам зарычал не хуже зверя, отчаянно извиваясь и пытаюсь увернуться от когтей. Вблизи, в тесной схватке, волчара казался вдвое больше и свирепей. А ещё – чудовищно вонял псиной. А уж из пасти несло так, что глаза заслезились.

Правой рукой я шарил по земле, пытаюсь нащупать кинжал, но, как назло, не мог найти. А о том, чтобы повернуться и разглядеть, где он лежит, не могло быть и речи.

Зверь мотал башкой, вцепившись мне в руку. И то, что он пока не смог прокусить мою импровизированную защиту, утешало слабо – тут уже надо бояться, как бы он вообще руку не выломал прямо из плеча.

Под руку попался какой-то камень, и я, уже больше на инстинктах и отчаянии, вцепился в него и ударил несколько раз по морде зверя, пытаюсь попасть в глаз. Кажется, даже удалось – он вдруг фыркнул и подался назад, ослабляя хватку. Это была буквально секундная пауза, но я успел рванулся назад и обернуться.

Вот он, кинжал!

Рифленая костяная рукоятка легла в ладонь как раз в тот момент, когда зверь снова прыгнул на меня, накрывая всем телом. Я отбил его морду левой рукой, снова попытался засунуть замотанную культю в пасть, но волчара уже не повелся на эту уловку и пытался ухватить меня за глотку. У меня получалось лишь держать его пасть на расстоянии, отталкивая левой рукой. Пока не удалось ударить кинжалом в шею, куда-то под нижнюю челюсть.

Волк, неожиданно тонко взвизгнув, отпрянул, кровь его брызнула мне в лицо, заливая глаза. Я зажмурился и ринулся на него почти вслепую, нанося колющие удары кинжалом.

Со стороны это вряд ли смотрелось изящно и красиво. Страшная, сумбурная схватка насмерть. Я и сам сейчас превратился в зверя, обезумевшего от страха, боли и отчаяния. Мы с волком катались по земле, сцепившись и одинаково рыча. Я разве что зубами в противника не впивался, да и то только потому, что всё равно не прокусил бы шкуру. Он успел разодрать мне когтями всю грудь и бок, и даже частично спину, хотя я вроде всегда был развернут к нему лицом. Я же отчаянно колол кинжалом, пытаюсь нащупать уязвимое место. Но клинок то вяз в плотном мехе, то упирался во что-то твёрдое, то вроде бы вонзался в плоть, но без всякой реакции – будто зверю было плевать на раны.

Я и сам не понял, когда всё кончилось. Животное вдруг замерло, а потом навалилось на меня всей тяжестью, но уже не пытаюсь укусить. Я с трудом спихнул его в сторону, и только тогда заметил, что кинжал мой торчит из его левой глазницы, засаженный туда по самую перекладину.

Рыча и матерясь от боли, я окончательно выбрался из когтистых объятий, и только тогда вытащил оружие. С трудом поднялся, оглядывая себя и место побоища. Кровищи вокруг было столько, что казалось, ею щедро плескали из ведра. Часть её текла у меня по лицу, продолжая заливать глаза. Оказывается, на лбу глубокая царапина.

«Ама, как я? Выживу?».

«Жизненно важные органы и артерии не задеты. Многочисленные повреждения мягких тканей. Серьезная кровопотеря. Все свободные кластеры амальгамы пущены на регенерацию. Полное восстановление займет около двух часов».

Я взглянул на темнеющее небо и выругался. Нет у меня двух часов! Солнца за тучами не видно, но, судя по всему, оно где-то вон там, над самой кромкой скал. И если на этом Осколке есть смена дня и ночи, то дело явно идёт к закату. Причем здесь, в ущелье, будет темно задолго до того, как солнце зайдет за горизонт. Впрочем, даже в полутьме карабкаться по камням в поисках дороги будет уже невозможно.

Я все же сделал небольшой привал. Размотал левую руку, изодранные лохмотья, оставшиеся от моей накидки, забросил в Суму. Поначалу думал вообще выбросить, но потом решил, что не стоит торопиться. Куртка и пояс тоже были здорово повреждены, но еще держались. И то хорошо.

Раны затягивались прямо на глазах, боль Ама тоже отключила, но всё же чувствовал я себя хреново. За один присест осушил почти всю флягу воды, остатки пустил на то, чтобы отмыть лицо и ладони от крови – та уже загустела и была жутко липкой, так что обычной тряпкой оттиралась плохо.

Пустую флягу вернул в Суму. Сейчас я очень даже оценил этот артефакт. Было бы куда хуже, если бы вместо неё мне досталась, к примеру, ещё одна монета.

Путь продолжил где-то через четверть часа. Среди сухих веток, валяющихся вокруг дерева, удалось отыскать достаточно ровную и прочную, чтобы сделать из неё что-то вроде посоха. Коротковатый, правда, вышел, метра полтора, не больше. Но в моей ситуации – лучше, чем ничего. Я здорово ослаб от ран, так что даже просто идти было довольно тяжело. Взмок весь, то и дело приходилось вытирать лицо от пота, а то он начинал заливать глаза.

На посох я опирался левой рукой, из правой не выпускал кинжала. Впрочем, если навстречу попадётся еще один хищник – я вряд ли вывезу. Но риск вроде бы минимальный. Судя по виду того волка, он здесь один, и довольно давно. Изголодал, бедолага. Так что, если тут и были еще какие-то живые существа – то он их уже сожрал.

Больше всего бесило то, что я оказался так уязвим против обычного зверя. Вот, значит, чего ты на самом деле стоишь, Ян? Без радиумного клинка и без своего чистерского дара уходить на изнанку ты бы и во время Жатвы так же сдулся бы. В лучшем случае – попал бы в качестве трофея в один из пилонов, а потом в лагерь для гелотов. Это если бы до этого какая-нибудь тварь не загрызла.

Но я постарался отбросить неконструктивные мысли. Из этой ситуации нужно извлечь урок. Быть осторожнее. И постараться усилить себя всеми доступными средствами. Наверняка в Лабиринте будут попадаться и куда более серьезные противники.

Самый очевидный способ усилиться – это, конечно, амальгама. Если уж она работает и здесь, то надо использовать её на всю катушку, а не просто бросать все кластеры на заживление ран. Пока не раздобуду оружие и снаряжение получше, моё собственное тело – и есть моё оружие.

Логичнее и безопаснее всего сейчас вернуться в реальный мир, взять таймаут в несколько дней и провести несколько модификаций организма. Обидно, конечно, что я почти не продвинулся. Выглядеть будет так, будто я сунулся на эти испытания, получил по щам и отступил. Еще и камень Хозяйки перекрёстков опять придётся потратить, чтобы вернуться сюда...

Точно! А ведь можно было, сидя на дереве, просто вернуться к Эреш с помощью её именного камня.

Впрочем, это была бы совсем уж стыдоба. Да и камни эти надо бы приберечь...

Остаток пути до противоположного края ущелья я проделал без особых происшествий. Разве что один раз изрядно поплутал, пытаясь обогнуть широкую расщелину. В итоге всё же пришлось перепрыгивать – благо отыскал место поуже.

Кластеры амальгамы работали всюду, самочувствие тоже улучшилось. Разве что голод начал пробиваться даже сквозь блок, поставленный амальгамой. На экстренное заживление

ран пришлось пустить все ресурсы организма, и нужно было срочно их возместить. Ещё один довод в пользу того, что исследование Лабиринта придётся прервать, едва начав.

Финальный отрезок пути проходил уже в полутьме. Ущелье сузилось до нескольких метров, по сторонам от него высились отвесные скалы высотой с пятиэтажку, кое-где почти соприкасающиеся между собой. Выход из этого туннеля издали казался, как огромный каменный портал.

Но чтобы добраться до этого коридора, пришлось сначала вскарабкаться по крутому склону, сплошь состоящему из нагромождения каменных обломков. Похоже, что часть скалы слева недавно откололась и обрушилась – возможно, от землетрясения. Потому и волк оказался запертым в ущелье – взобраться по этой круче он не смог бы.

Честно говоря, я и сам-то с трудом справился. Под конец был совершенно отвесный участок, и мне едва хватило сил на то, чтобы подтянуться и вытащить себя на каменный уступ. Хорошо, что удалось нащупать дополнительную опору ногой. На одних руках точно бы не вывез, хотя в спортзале легко делал несколько выходов силой подряд, даже с дополнительным грузом. Но то в прошлой жизни. Последние дни меня здорово вымотали, в весе я потерял, наверное, килограмм пять-семь, а то и больше.

Сделав последний рывок, я распластался на камнях лицом вверх, тяжело дыша и оттирая с лица пот, смешанный с пылью. Будто мелкой наждачкой по щекам прошёлся.

Темнее становилось с каждой минутой, да и до выхода было уже рукой подать, так что я не стал разлёживаться. Поднялся и прибавил шагу, не сводя взгляда с заветного выхода.

Не дошёл совсем чуть-чуть.

Ама предупредила меня об опасности алыми сполохами, замельтешившими на границе зрения. Я взглянул вверх и едва успел отпрянуть в сторону, прижавшись к скале. Несколько валунов размером со стиральную машину, полетевшие сверху в компании полусотни более мелких собратьев, с грохотом рухнули рядом со мной, поднимая целое облако пыли. Несколько мелких булыжников, отскочив в сторону, зацепили меня, один угодил прямо под коленку, так что я в голос взвыл от боли.

Не разбирая дороги, рванул в сторону выхода, опасаясь дальнейшего обвала. Камни сверху продолжали сыпаться, правда, уже более мелкие. Меня спасало то, что бежал я вдоль правой стенки ущелья, и скала здесь немного нависала надо мной, будто накренившаяся башня. А камни летели именно с правой стороны.

Уже у самого выхода я обернулся и успел разглядеть над кромкой скалы пару темных силуэтов, явно человеческих.

Вот ведь паскуды! Это не просто обвал, это засада!

Я пробежал чуть дальше, но чуть не споткнулся от внезапного головокружения. Притормозив, вдруг понял, что снова нахожусь в лесу. А в десятке метров передо мной маячит знакомая поляна.

Уф! Проскочил...

Согнувшись и упершись ладонями в колени, я постоял, восстанавливая дыхание. Потом, прихрамывая, проковылял к поляне и с мрачным видом остановился напротив стола Эреш.

Сама демоница перебирала перед собой какие-то каменные фишки, кажется, раскладывая что-то вроде пасьянса. Отвлеклась, наконец, и повернулась ко мне. Во взгляде её, кажется, промелькнуло удивление.

– Вижу, испытание оказалось для тебя сложнее, чем я думала.

– Ну что вы. Разве что совсем чуть-чуть, – я опустил на своё сиденье перед её столом и, поморщился, растирая ушибленную ногу пониже колена.

Кажется, Эреш не очень-то распознавала сарказм. А может, просто сделала вид. Спокойно подняв крышку шкатулки с Камнями добычи, она достала один и пустила его по воздуху в мою сторону.

Я без особого интереса взглянул на вспыхнувшее описание. Ещё одна монета.

Камень Испытаний на игровом поле немного изменился. Он потемнел, руна на нем потухла. А вот два камня, смежные с ним, наоборот, стали ярче и из-под них будто бы сочился свет.

Развилка. Впрочем, на количество шагов до центра она не влияет – оба эти камня потом соприкасаются гранью со следующим, который я наметил для прохождения.

– Увы, награда довольно скромная, – произнесла Эреш. – Но ты ведь, надеюсь, хорошо обыскал логово волчицы и нашел дополнительную добычу?

– В логове? – переспросил я.

«Волчицей?» – мелькнула следом мысль. Так это ещё и самка была? Что ж было бы, если бы мне попался крупный матерый самец?

– Судя по твоему виду, ты ведь решил сразиться с ней?

– Ну, не то, чтобы это было моё решение... Скорее уж пришлось. И я не видел никакого логова. Зверюга напала на меня прямо в ущелье.

– Ах, да. Такой ход событий тоже возможен. Тебе немного не повезло. Надо было потом получше обыскать ущелье – и увидел бы логово.

– Было как-то не до того.

– Не страшно. Главное, что ты справился. Сильно ранен? Сможешь продолжать?

– Точно не сейчас.

– Что ж, ладно, – с заметным разочарованием отозвалась она. – Разумный выбор. Тебе нужно восстановить силы.

– Я вернусь, – поднимаясь на ноги, пообещал я. – Подготовлюсь получше – и вернусь. Я обязательно должен переговорить с Козлоногим. Но если вы встретитесь раньше, и передадите ему, что...

Она покачала головой.

– Сомневаюсь, что он выполнит эту просьбу. Скорее уж он будет избегать тебя, пока будет такая возможность.

– Ну, тогда я достану его в Лабиринте.

Я уже забрал свои вещи, развернулся и поковылял прочь, когда Эреш окликнула меня.

– Я не могла предупредить тебя о звере, Ян. Таковы правила.

Звучало это, как попытка извиниться, и я кивнул, давая понять, что оценил это.

– Но пусть это будет тебе уроком, – холодно продолжила она. – В Лабиринте нужно постоянно быть начеку. Даже если Осколок выглядит безмятежно, как уголок райского сада.

– Учту. Впрочем, зверь – это полбеды. А вот под обвалом погибнуть было бы совсем обидно. Тем более до выхода было уже рукой подать.

– Обвал? – нахмурилась Эреш. – Не помню такого сценария в Непроходимом ущелье...

Я пожал плечами. Хотел было сказать «И на старуху бывает проруха», но вовремя спохватился. И, пока подбирал более безобидный аналог этой фразы, Хозяйка перекрёстков продолжила:

– Точнее, такого сценария там нет. Я хорошо помню все Осколки, которые при мне исследовали Ныряльщики за многие столетия. Особенно серые Камни Испытаний, потому что большинство претендентов не уходят дальше них.

– По-вашему, я это придумал? – проворчал я. – Какие-то сволочи намерено сбросили на меня целый вагон булыжников. Я чудом спасся. Жаль, их толком не разглядел.

Эреш не смогла совладать с собой – лицо её на мгновение изменилось, и в этой мимолетной гримасе я успел разглядеть целый ворох эмоций. Удивление, гнев, растерянность, и... Страх? У неё?

– Ступай, – ровным голосом произнесла она, делая вид, что снова вернулась к раскладыванию пасьянса. – Продолжим, когда ты будешь готов.

Я, прищурившись, взглянул на неё, не сходя с места. Повисла долгая неловкая пауза, но я всё же спросил:

– Кто это был?

– Иди, Ян. Я не привыкла повторять дважды. Тебе нужно отдохнуть и хорошенько подготовиться. Да и мне нужно подумать.

– Кто. Это. Был? Вы что-то скрываете от меня?

Ресницы её взметнулись вверх, и бездонные чёрные глаза сверкнули гневом.

Я отшатнулся, словно получив оплеуху огромной невидимой ладонью, и в глазах потемнело.

Очнулся я на земле. Над головой раскинулось затянутое тучами ночное небо. Капли холодного моросящего дождя неприятно щекотали лицо. Было холодно – кажется, я успел изрядно промокнуть. Сколько же я провалялся?

– Ян? Ты как здесь очутился?

Надо мной выплыло из темноты озадаченное лицо Харула, наполовину скрытое тряпичной маской. Ведьмак помог мне подняться и, бегло оглядев, присвистнул.

– Это кто тебя так отделал? И главное – когда успел-то? Ты же только недавно ушёл от Акаманта...

– Да так... – отмахнулся я, отирая лицо от брызг дождя. – Надо учиться обращаться с дамами...

Глава 5

Обоз тянулся так медленно и монотонно, что казалось, будто местность вокруг вообще не меняется. Но, учитывая, как тяжело нагружены повозки, повысить скорость было нереально. Да и сами колгары – могучие мохнатые животные, похожие на помесь мамонтов и буйволов, выглядели так, будто природа не наделила их способностью бегать. Вышагивали они медленно и степенно. Правда, при этом, кажется, вообще не имело значения, сколько груза на них навесить – всё уташат.

С другой стороны, сейчас мне это размеренное спокойное путешествие было как нельзя кстати. Отличная возможность залечить раны, набраться сил и хорошенько обдумать дальнейшие планы.

Оставаться в Долине Багровой пасти я больше не видел смысла. Всё указывало на то, что Лиски здесь нет. Тех, кто был в пилонках, уже эвакуировали, и лагеря с ними я сам обыскал еще в первый день, а потом и Ординаторы перепроверили. Теперь из долины привозили лишь тех, кто смог выжить, прячась в городе. Среди них было много раненых, истощенных, пораженных Красной порчей. Конечно, оставался некоторый шанс, что и Алиса среди них, но исчезающе малый. Особенно на фоне новых данных, которые я получил рано утром, перед выездом, в последний раз встретившись с Эрит-Джабари-Тан.

Во время Жатвы Ординаторы подробно отслеживали передвижения и действия всех Жнецов – от этой информации напрямую зависело, какую награду по итогам турнира получит каждый Дом. Так что им не составило труда выяснить, какие пилоны вернулись из Пасти досрочно.

Таких было всего шесть. Четыре подняли ортосы, два – гракхи.

Вообще, участники турнира не часто эвакуировали пилон с загруженной в него добычей. Оно и понятно – если продержаться до конца, то получаешь целый участок долины, а это обычно во много раз ценнее, чем любые трофеи, которые влезут в пилон. Ситуации, когда стратегически выгоднее поднять пилон, чем оставлять его на поле, возникают довольно редко.

Все потому, что по правилам турнира, а может, из-за каких-то технических ограничений, пилоны, вернувшиеся из долины, повторно на прежнее место не сбрасываются, а остаются в зиккуратах – небольших не то крепостях, не то храмах, рассредоточенных по всей окружности кратера. Трофеи потом перевозятся в крепости Дозора на обычных повозках, а участок долины, укрепленный за улетевшим пилоном, автоматически разделялся между соседними.

При таком раскладе, если кто-то на одном из пилонов вывез Лиску из города, то он потом запросто мог спрятать её, а потом и быстренько переправить за пределы кратера. Шестилетнего ребёнка легко укрыть. Да и в разгар турнира никто не следил, что вывозится из долины. Тем более что все трофеи – собственность Жнецов.

Эти шесть рано взлетевших пилонов давали мне хоть какие-то зацепки. Один, правда, можно было сразу отбросить – это пилон, на котором сбежала с поля боя раненая Регина. Если бы она была на нём не одна – это сразу бросилось бы в глаза.

По поводу остальных пяти экстренных взлётов всё было не так однозначно. Все их можно было обосновать тактическими маневрами. Но я все же убедил Джабари, что нет смысла вдаваться в анализ и пытаться отсеять лишние варианты. Их не так уж много, так что лучше проверить их все. Я даже на расположение пилонов не обращал внимание. Не факт, что катаклизм застиг Ольгу и Лиску дома. Они могли быть где угодно – может, гуляли, или поехали за покупками, или в гости...

В общем, пока под подозрением оба Великих Дома. Но теперь у меня появились конкретные улики – имена Жнецов, поднявших в воздух пилоны. При этом двое из них уже покинули долину.

Первый – Леонт Драксис, глава небольшого, но влиятельного Дома, контролирующего анклав Гангра. Дом Драксис – вассалы Ортосов, а сам Леонт, по словам Джабари – пожилой, но весьма умелый Жнец, уже который турнир доказывающий, что опыт и осторожность зачастую важнее доблести. То, что он уехал из Пасти так рано, можно объяснить тем, что ему не по статусу заниматься рутинным грабежом территорий. Да и в анклав могли возникнуть срочные дела.

Но если это именно он нашел Лиску – то как раз у такого старого лиса хватило бы мозгов сообразить, что на этом Жатву можно сворачивать и быстренько везти сокровище к себе в логово, пока остальные заняты турниром.

Второй беглец – гракх. Баургар Чёрный. Кровный воин прайда Хершина, одного из самых больших и влиятельных в Доме Гракхов. У гракхов, правда, какая-то своеобразная иерархия и принципы наследования, мне пока некогда было вникать. Но, насколько я понял, кровные воины – это прямые родственники главы прайда, отказавшиеся от притязаний на власть и поклявшиеся ему в верности.

Баургар вроде бы был сильно ранен на Жатве, и потому и вынужден был бежать с помощью пилон. Однако произошло это уже на второй день Жатвы, так что возвращался он явно не с пустыми руками. Пилон был заполнен гелотами, и среди них вполне могла быть и Лиска.

Остальные четверо оставались в долине и активно участвовали в дальнейшей её зачистке от монстров и полезных трофеев. Их я бы тоже со счетов сбрасывать не стал. Привезти Лиску в крепость теоретически мог любой из них, а потом передать кому-то другому, чтобы вывезли в большой мир.

Чувствовал я себя, как Остап Бендер в погоне за разъезжающимися в разные стороны стульями. Нужно было срочно решать, в каком порядке проверять подозреваемых. И я сделал ставку на тех, кто покинул Долину. В крайнем случае, даже если эти версии окажутся пустышками, всегда можно вернуться к оставшимся. Жнецы – все же местные супергерои. Знаменитости. Их несложно будет отыскать.

Джабари согласилась с моим выбором.

– Чем больше я думаю над этим, тем больше уверена, что такой трофей постарались бы как можно скорее вывезти подальше от Пасти, – сказала Джабари. – Хотя бы из-за повышенного фона игниса. Похитители вашей дочери наверняка не хотели бы, чтобы она подхватила Красную порчу. Конечно, это вероятнее всего в первые часы после ритуала. Но и в последующие дни риск остаётся...

Вот насчёт этого я как раз был относительно спокоен. Еще во время первой нашей встречи Козлоногий сказал, что у меня иммунитет к игнису. Надеюсь, и Лиске он передался.

От лица Ординаторов со мной по-прежнему общалась Эрит-Джабари-Тан. О ней самой я тоже навёл кое-какие справки – уже через Аму. Та была для меня этакой местной Википедией, снабжая меня информацией из архивов Чёрной пирамиды.

Джабари была довольно влиятельной дамой, пользующейся большим авторитетом. В сфере её компетенций – история, политика и дипломатия. Вот уже больше тридцати лет она является постоянным послом Ординаторов при Великом Доме Ортос. По сути – куратором. Хотя она всячески открещивалась от этого слова, объясняя мне, что Ординаторы – это не правители Аксиса, а скорее арбитры, старающиеся сохранить баланс между Великими Домами. Этакая беспристрастная третья сторона.

– Об одном лишь прошу, Ян – будьте осторожны в своих поисках. Вы совсем не знаете Аксиса, даже не успели толком выучить язык. Но когда у вас откроется Глаз Абраксиса, мы сможем держать связь на любом расстоянии. Вы всегда можете обратиться ко мне за помощью и советом.

– Благодарю. Я ценю это.

– Увы, мы не можем открыто защищать и поддерживать вас. Наоборот, никто не должен знать о том, что мы связаны. Понимаете? Никто.

Она так акцентировала внимание на конфиденциальности, будто уже знала, что я встречался с Акамантом. Если так – то интересно, откуда. Увы, я пока плохо ориентировался в истинных возможностях Ординаторов. Технологии, которые они используют, больше похожи на какую-то магию. Амальгама, телепатическая связь, бесплотные аватары. Может, ещё и какое-нибудь ясновидение? Но тогда какого чёрта они не могут найти потерявшуюся девочку?

Я по-прежнему относился к Джабари со скепсисом, как и ко всем, с кем познакомился на Аксисе. Возможно, я просто был предвзят к арранам. Но, черт возьми, у меня на это были причины. Я чувствовал себя таким Штирлицем в тылу врага, который вынужден выдавать себя за одного из них. По сути, я двойной агент, а то и тройной. Всем от меня что-то надо, у всех на меня свои планы. У Обрубка, у Ординаторов, у Козлоногого и Эреш...

Чтоб они все провалились, ей-богу.

После моей злополучной вылазки в Лабиринт Харул нашёл меня на окраине лагеря Акаманта. Отвел обратно к шатрам. Там я отогрелся, худо-бедно отмылся и разжился новой одеждой. Из старых вещей я оставил только обувь – замену премиальным охотничьим ботинкам в этом мире найти будет непросто. Гракхский пояс выкинул – волчица так разодрала его, что он плохо держался. Впрочем, не страшно. Под всякую мелочевку у меня есть Сума фокусника. Куда удобнее и надёжнее.

Харул ночевал в соседнем с Акамантом шатре, вместе с несколькими бойцами из личной охраны Обрубка и остальными наёмниками, выступившими в ходе турнира за Дом Мэй. Точнее, с теми, кто остался в живых.

Хестию я уже знал. Она держалась особняком, устроившись в дальнем углу шатра. Там были выстроены походные деревянные койки в два яруса, здорово напоминающие казарменные. Она сидела на верхней, закутавшись в какое-то тряпье, и лениво поглядывала на остальных. В руках у нее, как всегда, поблескивал один из её бесчисленных клинков. Какой-то складной, вроде ножа-бабочки.

Третьим был молодой плечистый парень с перевязанной головой. Из-под повязки его торчали непослушные и жесткие, как листья ананаса, вихры соломенно-желтого цвета. Устроившись поближе к радиумным светильникам, он сосредоточенно точил здоровенный меч с крестообразной гардой. Меч был необычный – массивный, из темной стали, украшенной по центру клинка выпуклым узором. Но без острия – обломан примерно на последней трети. Скорее всего, уже давно, потому что парня это нисколько не смущало. Остальная часть клинка была в идеальном состоянии – заточенная часть была отполирована до зеркального блеска.

– Знакомся – Волтан Варрен. Единственный из Жнецов Дома Мэй, которого можно назвать высокородным.

Один из бойцов охраны, услышав эти слова, издевательски фыркнул, но парень и ухом не повёл. Он, кажется, был на своей волне, и ничего, кроме остроты лезвия меча, его сейчас не интересовало.

Четвертый Жнец – звероватого вида мужик, весь в шрамах и от самых глаз заросший густой рыжей щетиной – тоже был неразговорчив. Но там всё с первого взгляда было понятно. Он был вдрызг пьян. Взгляд совершенно стеклянный, на подбородке блестит не то слюна, не то пролитая выпивка. Но при этом, уставившись куда-то в одну точку, он снова и снова прикладывался к бутылке.

– Зервас-старший, – тихо сказал Харул. – В Пасть они отправились втроем. Три брата-гладиатора. Лет десять назад они были главным украшением бойцовских ям Орхамаса. Завоевали себе свободу, какое-то время выступали на арене за деньги. Потом ушли в вольные наёмники... Много в какие передраги ввязывались, как я слышал. В итоге прибились к Дому Мэй.

Я даже не стал спрашивать, где остальные двое. И так ясно. Пасть в эти дни перемолола многих.

– Завтра утром Акамонт отправляет обоз с первым грузом, – сказал Харул. – Мы вчетвером напросили в охрану. Может, рванёшь с нами? Хотя, «рванёшь» – это громко сказано. Плестись будем со скоростью самой ленивой колгарской задницы.

– Я думал, ты останешься в Пасти. Все-таки там ещё полно всяких монстров. Вроде как твоя специализация.

– Работы там и правда непочатый край. Но долина уже поделена между Великими Домами. У них полно бойцов, чтобы самим заниматься зачисткой. Да я и сам не горю желанием наниматься ни к ортосам, ни к гракхам.

– А если из чисто профессионального интереса?

– Что-то похлеще той громадины я уже вряд ли увижу. А в остальном... Такие вот прямые прорывы тварей из Заарума, пусть даже через грибницу – скукотища. Просто мясо. Я обычно работаю по штучным заказам. Когда хаосу приходится просачиваться в наш мир постепенно, через все барьеры – он становится куда более изобретательным и коварным. И вот тогда-то, чтобы остановить тварей, порожденных им, нужно работать не столько клинком, сколько мозгами.

– Понимаю. Но неужели прорывы игниса происходят и за пределами Пасти? Я думал, они связаны в основном с Жатвами.

– Не только. По всему Аксису ткань мироздания похожа на ветхое истончившееся полотно. Конечно, игнис не выплескивается чистыми сгустками, как во время Жатвы. Но просачивается – медленно, неотвратно, находя малейшие лазейки.

– И как это проявляется?

– По-разному. Взгляни, например, на ту балку.

Харул кивнул на толстую деревянную доску, поддерживающую верхний ярус лежанок.

– Видишь, какая она бугристая? И этот налёт на ней?

– Угу. Я думал, это что-то вроде грибка.

– Не совсем. Большинство материалов на Аксисе, особенно органика, разрушаются гораздо быстрее, чем должны бы. Древесина разлагается за несколько лет, железо быстро ржавеет, даже камень может порой раскрошиться в песок...

– Игнис увеличивает энтропию? – спросил я, удивившись, что на арранском нашёлся перевод этого слова, да ещё и довольно созвучный.

Впрочем, я уже давно заметил, что многие слова этого языка мне смутно знакомы, и дело даже не в наведённых воспоминаниях, привнесённых амальгамой. Чувствуется схожесть с земной латынью и с греческим. Я хоть и не учил ни того, ни другого, но отголоски этих древних языков даже в русском частенько встречаются.

Козлоногий в нашу первую встречу говорил, что арраны активно посещали Землю несколько тысяч лет назад. И, похоже, не просто посещали, раз оставили такой заметный след.

– Как правило, да, – ответил Харул. – Материалы под воздействием игниса либо разрушаются, либо постепенно преобразуются, и тогда уже становятся невосприимчивы к нему. Такие материалы называют осквернёнными. Чаще всего они никуда не годны. Хотя иногда, наоборот, приобретают очень полезные свойства, и ценятся во много раз дороже обычных.

– Поэтому арраны охотятся за ресурсами из других миров? Но какой в этом смысл, если всё это привозное добро рано или поздно испортится?

– Не всё. Главные потребители чистых материалов – это анклав. Так называют города, защищенные радиумными полями.

– Технологии древних?

– Они самые. Ну, если быть точнее, то куполами защищены только кварталы, в которых живут высокородные. Остальные тоже селятся поближе, потому что под анклавами есть ещё

и убежища от Красных бурь. Они сейчас хоть и реже налетают, но риск всегда есть. В общем, вся жизнь и цивилизация сосредоточены вокруг анклавов. Как вокруг оазисов в пустыне.

– Так там у вас, наверное, и правда пустыня кругом? Как повышенный фон игниса действует на живых существ? Трава, деревья, животные... Всё гибнет?

– По большей части. Но что-то и выживает. Мало того – приспособливается, и даже приносит потомство. Жизнь обладает такой силой, что её даже хаосу не одолеть.

Упоминания об этих аспектах жизни на Аксисе я слышал и раньше, но сейчас картинка начала окончательно складываться. С помощью интерфейса амальгамы я открыл карту региона и по-новому взглянул на отметки, обозначающие расположение анклавов. Выходит, за их пределами жизни почти нет. Что ж, это даже удобнее. Сужает область моих поисков.

– Ну, так что думаешь? Поедешь с нами? – напомнил Харул.

– А куда именно пойдёт караван?

– Да тут пока одна дорога, – усмехнулся он. – Тракт от Долины Багровой пасти идёт на юг. Первый большой перевалочный пункт – в Крысином замке.

– Это что? Анклав?

– Нет, просто довольно большое поселение на пересечении трактов. По сути, разрослось из нескольких постоянных дворов. Но мимо никто, едущий из Пасти, не проскочит – это единственный перевал через каньон Наксос. Ну, сам увидишь.

Это было похоже на знак судьбы. Похитители Алисы, выходит, тоже не миновали бы этого места. Значит, там можно попробовать отыскать новые зацепки.

– А дальше куда двинемся?

– Груз скорее всего повезём до Хамунда. Это дней семь пути. Вот это как раз крупный анклав, и там у Дома Мэй больше всего влияния.

– А сам Акамонт пока остаётся здесь?

– Да, ещё на пару дней минимум. Шутка ли – сейчас здесь большая часть знати собралась. Удобное время для всяких торговых и дипломатических дел. Но в Хамунде он, скорее всего, будет раньше нас. Караван плетётся медленно, а южнее Наксоса дороги разбегаются во все стороны. Может обогнать нас так, что мы и не увидим.

Согласился я не сразу, рассудив, что утро вечера мудренее. Но в итоге – вот он я, плетусь на одной из тяжелых повозок, понемногу познавая дзен в созерцании местных суровых красот.

Выдвинулись мы рано, почти на рассвете, и этот обоз стал первым из многих и многих, которые скоро потянутся из Долины Багровой пасти в большой мир. Жатва – уже не как турнир, а как длительный процесс переваривания откушенного куска мира – только началась. На то, чтобы вывести добычу, арранам понадобится не один год. Хотя самое ценное, конечно, выгребут гораздо быстрее.

То, что везли мы, на первый взгляд не выглядело особо ценным. Это был в основном всякий металлолом и строительные материалы – вплоть до аккуратно демонтированных пластиковых окон или отдельных стеклопакетов. Смотрелось это всё на фоне экзотичных животных и примитивных повозок довольно нелепо. Будто племя каких-то аборигенов набрело на разбившийся в джунглях самолёт и растащило его на запчасти.

Как мне объяснили, Акамонт выкупил всё это у гракхов и ортосов на месте за бесценок. Этакая скидка за самовывоз. Но довезя этот груз до Хамунда, он сможет получить за него такую цену, что окупит все расходы на перевозку. Особенно за те материалы, которые не будут подпорчены игнисом за время пути. А что не купят в самом анклаве – можно будет подешевле спихнуть хему – тем бедолагам, что живут вне защитных куполов и обслуживают высокородных.

Повозок в караване было больше десятка, но одна из них была полностью отведена под жратву для колгаров. Места вокруг были пустынные, и даже если раньше здесь и попадались какие-нибудь кустарники или заросли травы, то армии гракхов и ортосов, едущие на тур-

нир, выгребли вдоль дороги всё подчистую. Правда, по той же причине можно было пока не опасаться нападений диких животных или разбойников – их тоже всех распугали до самого Наксосу.

Караванщики и охрана, изнывая от безделья, чесали языками, резались в кости, а на редких привалах разминались, устраивая небольшие спарринги. Я же был большей частью погружен в себя. В прямом смысле слова.

Наконец выпала возможность не спеша поколдовать с амальгамой.

Итак, у меня по итогам Жатвы накопилось тридцать шесть кластеров. Это очень много, учитывая, что минимальный джентльменский набор Жнеца – пять, и пополняется он куда реже, чем можно было подумать. Про то, что Ординаторы не очень-то щедры на новые кластеры, Акамонт мне уже объяснил. Но и во время Жатвы не так уж и много шансов пополнить запасы.

Если верить данным Амы, во время турнира Жнецы сражаются насмерть не так уж часто. Они слишком ценят свою жизнь, чтобы так рисковать, так что действуют только наверняка. Та схватка Регины с гракхом была скорее исключением из правил. Наверное, гракх просто посчитал её легкой добычей, и даже когда она дала достойный отпор, не отступил. Видимо, не мог себе позволить прогнуться перед женщиной.

А те же партизаны Руса наблюдали, как ортосы несколько раз безуспешно пытались отбить девятый пилон у гракхов. При этом убитых ни с одной из сторон не было.

В общем, в моих жилах сейчас настоящее богатство. Правда, потенциал его не раскрыт и на десятую долю. Этим-то и надо заняться.

Шесть кластеров уже были зарезервированы. По одному – на обеспечение работы базовых аугментаций – Центральный узел, Боевое ядро и Амальгамные линзы. Целых три ушло на формирование Глаза Абраксиса. Девять были фрагментированы, но это лучше оставить, как есть. Учитывая, как часто я получаю по мордасам и сколько крови теряю, мне постоянно нужен расходный материал.

Остаётся двадцать один свободный кластер. Все их держать для нужд регенерации – пожалуй, слишком расточительно. Поэтому я, предварительно помучив расспросами Аму, запустил целый ряд улучшений организма. Требований к процедурам у меня было три: чтобы они не предполагали существенных мутаций, не требовали постоянно зарезервированных кластеров амальгамы и по времени занимали не больше нескольких часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.